

Цена свободная

Индекс 70250

ISSN 0012-6756

«ДН» — 2015

Романы, повести:

Мария АНУФРИЕВА. *Существо. Роман*

Заир АСИМ. *Книга дней. Повесть*

Валерий БОЧКОВ. *Время воды. Роман*

Резо ГАБРИАДЗЕ. *Доктор и больной. Повесть*

Хамид ИСМАЙЛОВ. *Пляска бесов, или Большая игра. Роман*

Елена КЛЕПИКОВА. *Из жизни Марты. Повесть в рассказах*

Афанасий МАМЕДОВ. *Перезагрузка в Тунисе. Короткий роман*

Марина МОСКВИНА. *КРИО. Роман. Книга вторая*

Гурам ОДИШАРИЯ. *Очкастая бомба. Повесть. С грузинского*

Захар ПРИЛЕПИН. *Новое произведение*

Елена РЖЕВСКАЯ. *Бремя выбора. Воспоминания*

Юрий СЕРЕБРЯНСКИЙ. *Новая повесть*

Дмитрий СТАХОВ. *Свет ночи. Роман*

Алексей УСТИМЕНКО. *Хмарь стеклянной Бухары. Повесть*

Сергей УТКИН. *История болезни. Повесть в рассказах*

Илья ФАЛИКОВ. *Борис Рыжий. Дивий Камень. Жизнеописание*

Левон ХЕЧОЯН. *Чёрная книга, тяжёлый жук. Роман. С армянского*

Рассказы: Евгения АЛЁХИНА, Андрея ВОЛОСА, Елены ДОЛГОПЯТ, Натальи КЛЮЧАРЁВОЙ, Алексея КОЛОБРОДОВА, Ильи КОЧЕРГИНА, Юрия ОСИПОВА, Мариам ПЕТРОСЯН, Владимира ТОРЧИЛИНА, Евгения ШКЛОВСКОГО и других авторов

Новые имена: участники Форума в Липках, Волошинского фестиваля, фестиваля «Ковчег» и наши собственные открытия

Новые сочинения: Эльчина ГУСЕЙНБЕЙЛИ (с азербайджанского), Анатолия КОРОЛЁВА, Ицхокаса МЕРАСА (с литовского), Дмитрия НОВИКОВА, Светланы ПЕТРОВОЙ, Владимира ХОЛОДОВА, Александра ХУРГИНА, Дмитрия ШЕВАРОВА

Новые стихи и переводы: Шамшада АБДУЛЛАЕВА, Сухбата АФЛАТУНИ, Ефима БЕРШИНА, Сергея ВАСИЛЬЕВА, Германа ВЛАСОВА, Андрея ГРИЦМАНА, Ольги ИВАНОВОЙ, Алексея ИВАНТЕРА, Игоря ИРТЕНЬЕВА, Александра КАБАНОВА, Инны КАБЫШ, Светланы КЕКОВОЙ, Бахыта КЕНЖЕЕВА, Григория КРУЖКОВА, Марины КУДИМОВОЙ, Инги КУЗНЕЦОВОЙ, Виктора КУЛЛЭ, Станислава ЛЕВИНСКИ, Ларисы МИЛЛЕР, Олеси НИКОЛАЕВОЙ, Натальи ПОЛЯКОВОЙ, Геннадия РУСАКОВА, Юрия РЯШЕНЦЕВА, Анны САЕД-ШАХ, Владимира САЛИМОНА, Олега ХЛЕБНИКОВА, Вячеслава ШАПОВАЛОВА и других авторов

ISSN 0012-6756. Дружба народов, 2015, № 3, 1—256

ДРУЖБА НАРОДОВ

ДРУЖБА НАРОДОВ 3/2015

3'2015

- **Инна Кабыш**
Севастопольские рассказы
Стихи
- **Владимир Медведев**
Захлок
Роман
- **Поэзия белорусской эмиграции**
В переводах Ивана Бурсова
- **Алексей Малашенко**
Заметки по национальному
и иным вопросам
- **Юрий Каграманов**
Кого ждёт «триумф воли»?
Противоборство идеологий на Украине

Алексей Малашенко

Заметки по национальному и иным вопросам

Почему я определил этот материал как «заметки»?¹ Поверьте, автор в силах написать нормальную статью с введением, заключением и, как это теперь модно делать в зарубежной научной литературе, с рекомендациями — что и кому надлежит делать в сложившемся положении. Таких статей написано много, большинство похоже друг на друга, и читать каждую до конца не всегда интересно.

Жанр же заметок позволяет, перескакивая с одного сюжета на другой, порой игнорируя логику, высказываться безответственнее. Мне нравится читать именно заметки, в которых больше парадоксов и дерзостей.

Предложенная журналом для разговора тема звучала так: «Формирование межнациональной и межконфессиональной толерантности и воспитание чувства взаимодействия между народами России». Правильная тема. Но есть два изъяна: во-первых, она обсасывается четверть века — писать и говорить принялись еще в канун развала Советского Союза. Далее — тема стала слишком пафосной. Впрочем, не только в России. Лет 10 тому назад я оказался на евромусульманском диалоге в Гааге. Был зал в огромном храме, в нем долгие ряды столов... можно было курить. Веяло добром и миролюбием. В первый день все любили и даже каялись друг перед другом. На следующий — переругались. Да-да, светочи терпимости перешли на взаимные оскорбления типа «ты экстремист», «сам ты экстремист». Встречи такого рода ритуальны и в большинстве своем бессмысленны.

Во-вторых, советами и директивами (в нашей стране все официальные советы директивны) по улучшению состояния отношений между народами и религиями положения не поправить. Говорим, говорим, а воз и ныне там. Даже не там, а в еще более глубоком, со скользкими краями овраге. Выбираться надо, дело делать надо. А как?

Как говорил устами Сатина (пьеса «На дне») Максим Горький, «человек — это звучит гордо». «Это не ты, не я, не они... нет! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном». Так что мы человеки, а не толпа на площади и

Алексей Всеволодович Малашенко — востоковед, исламовед, политолог, профессор Московского государственного института международных отношений (МГИМО). Сопредседатель программы «Межнациональные отношения в России и СНГ», член научного совета Московского Центра Карнеги.

даже не «электорат». Каждый из нас отвечает за себя. Следовательно, ведет свой собственный диалог с другим человеком. Или не ведет.

Но прежде чем говорить об отношении к другому, подумай, как ты относишься к себе. Ты себя уважаешь? Кем ты себя полагаешь? Не разобравшись в себе самом, не выстроишь нормальных отношений с другим.

Чем гордиться русскому человеку? Тем, что он русский? Сталинградом, Куликовской битвой, Гагариным? Но тогда надо проклинать себя за поражения, за варварство, за Сталина. Сын за отца не отвечает. Или все-таки русский сын отвечает за русского отца? Отвечать надо только за себя — так порядочнее и разумнее.

Можно гордиться газом и нефтью. Например, в арабском мире придерживаются мысли, что нефть в невероятных количествах ниспослана арабам Всевышним за то, что они первыми приняли ислам. В России тоже много углеводородов, так может и это есть «божий дар» за наше православие?

Еще можно гордиться тем, что Россия спасла Европу от кочевников — пожертвовала собой. Но вот что интересно: Европу спасли, заложили ее грядущее процветание, обеспечили ей славную жизнь. Теперь же европейцев, нами же спасенных, проклинаем.

За границей нас любят каждого по отдельности, но всех чохом... не получается. В связи с украинским кризисом эта любовь иссякает быстрее. Это напоминает Чехословакию после 1968 г.: до оккупации русских в этой стране искренне любили, после — стали искренне не любить. Чехам не понравилось, что их приехали учить, как надо жить, на танках.

В 2014 г. в четырехзвездочный отель «Бриони» в чешском городе Острава русских туристов не пустили. За это хозяина судили местным чешским судом. (Но ведь и в Москве в объявлениях пишут — сдам квартиру *только* русской семье.) Неужто лицам русской национальности в Европе теперь придется пояснять, что, дескать, мы — «хорошие русские», ни в кого не стреляем, чужого, в том числе землю, не отбираем?

Есть мнение, что в последние годы нас полюбили за то, что мы вдруг стали богаты и денег не считаем. С другой стороны, аборигены в Европах, как в Китае, и даже на признавшем независимость Абхазии и Южной Осетии острове Тувалу, над русскими пальцами враспырку посмеивались. Ведь любят не русских, а наши деньги. Деньги любили всегда и везде. Тем более, что наши приезжают за кордон не с рублями и евразийскими таньгами, а с евро и долларами. Как там у Маяковского — «я достаю из широких штанин...» (далее текст мой. — *А.М.*) «пачку зеленых тугриков, чтоб разом увидели все вокруг, я — из Российской республики». В конце 2014 г. рубль упал так, что гордиться содержанием широких штанин не приходится.

Первый, кто обязан критиковать русских, — сами русские. «Скучно все вокруг, солнца нет, люди все невеселые, улыбаются редко, смеются еще того реже, ходят лениво, нехотя. В полях везде растут розги. Везде много пьяных». Это — Максим Горький. Подмечено в 1914-м году. Почему я привел именно это высказывание? Да потому, что сто лет спустя, спускаясь в московское метро, вижу те же самые не улыбочивые лица. И еще тяжелые взгляды.

Слава богу, у нас еще с советских времен сохранилась самоирония. Помните песенку «Зато мы делаем ракеты...»? Без скепсиса относительно самих себя мы

останемся «великим», но пошлым антиподом Запада, мессией верхом на «жигулях».

Вот Антон Павлович Чехов всю жизнь смеялся над нашей «физиологической» любовью к власти, сочетавшейся с животным страхом перед нею. Сходу назову десяток рассказов, хотя бы из школьной программы — «Смерть чиновника» и «Хамелеон» и далее — «Торжество победителя», «На гвозде» (где муж терпит ухажеров жены, потому что все они его начальники), «Водевиль». Представляете, что бы писал Антон Павлович о советской, да и о нынешней нашей любви к власти? Он же отмечал две самые распространенные в нашем отечестве болезни: злая жена и алкоголизм. Русофоб, понимаешь.

У Юлиана Семенова в старинной книжке «ТАСС уполномочен заявить...» есть замечательный диалог. Советский разведчик Виталий Славин спрашивает у прогрессивного американского журналиста Пола Дика:

— Слушайте, а почему вы меня зовете Иваном?

— Для меня все русские Иваны. Это же замечательно, когда нацию определяют именем. Нас, например, Джонами не называют, а жаль.

— Почему?

— А потому что мы идем враскосяк, каждый за себя, в нас нет общей устремленности. Вы же монолит, как вам скажут, так и поступаете.

Советский разведчик начинает, ссылаясь на Толстого и Достоевского, оправдываться, дескать, русские такие разные, но делает это как-то лапидарно и не убедительно.

Интересно другое: устами этого журналиста читателю внушается, что его (уже народа, а не читателя) сила именно в том, что он — ведомый начальством монолит, и в этом его преимущество перед американцами. Без этого монолита мы — ничто. Кто бы в 1980 г., когда был издан юлиан-семеновский роман, мог подумать, что *советский* монолит рухнет в одночасье? Но вот что интересно: спустя четверть века после его обрушения обществу стараются внушить, что он возродился, но уже на *русской* основе.

На Русском Соборе, в 2014 г. состоявшемся сразу после праздника народного единения 4 ноября, патриарх Кирилл заговорил о величии русского народа, о его особой роли по сравнению со всеми прочими. Он покусился на понятие «россияне», противопоставив его слову «русские». Потом на том же Русском Соборе все выступавшие после патриарха светские политики, в том числе спикер госдумы Сергей Нарышкин, председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко, микшируя патриарший пафос, настаивали на том, что Россия все-таки многонациональная, поликонфессиональная страна. Контраст очевиден. Была ли речь патриарха спонтанной или все-таки осознанной, знаковой?

Владимиру Михайловичу Гундяеву не откажешь в последовательности. Еще будучи митрополитом, занимая пост главы Отдела внешних церковных связей (ОВЦС), он утверждал, что Россия — «православная страна с национальными религиозными меньшинствами». Предположим, Кирилл прав. Но тогда, попадая на Северный Кавказ, в Чечню или Дагестан, надо признать, что оказываешься вообще в другой, мусульманской стране со своим собственным национальным и религиозным меньшинством, то есть русскими. Когда-то я определил Северный Кавказ как «внутреннее зарубежье», за что неоднократно подвергался критике. Однако получается, что и я, и патриарх — мы оба правы,

только, так сказать, с «разных концов», он — с русско-православного, я — с кавказско-мусульманского.

Проблему своей идентичности автор упростил: я — москвич, причем не только коренной, но даже потомственный. Знаю людей, которые считают себя прежде всего питерцами, казанцами, иркутянами, парижанами, кайрцами, и эта городская идентичность им роднее, чем этническая или конфессиональная. А вам не приходило в голову, что идентичность можно и выбрать, или отказаться от неприемлемых для себя черт своей, так сказать, исконной, «родовой» идентичности?

Отступление: в условиях изоляции России и ухудшения ее экономического положения на церковь возлагается трудная миссия — подготовить людей к наступлению еще более тяжелых времен. На праздничных мероприятиях в честь дня единения народа обращение патриарха для меня ассоциировалось со сталинским текстом сорок первого года, начинавшимся с испуганного «Братья и сестры...». «Человек особенно напряженно начинает думать о своем благополучии, когда возникают экономические трудности. <...> Нет денег, работы. <...> Курс (доллара. — А.М.) растет...» Это — из «Слова Святейшего в праздник Казанской иконы Божией Матери». «Нужно сделать нравственный выбор: повернуться от себя к ближним <...> служить другим сейчас, жертвуя чем-то»/ Это уже из патриаршего послания ко Дню народного единства.

Накануне 4 ноября 2014 г. в Пятигорске члены Общественного совета Северо-Кавказского федерального округа обсуждали вопрос о формировании у местного населения «общегражданской идентичности в обстановке противостояния враждебным влияниям западного глобализма и восточного фундаментализма». Почему, чтобы сформировать идентичность, надо обязательно чему-то и кому-то противостоять? Тем более, что отвергать глобализм невозможно, ибо в противном случае можно закиснуть в беседке своей идентичности.

С «восточным фундаментализмом» тоже не все так просто. По сути дела речь идет об исламском фундаментализме, который многолик, амбивалентен и вместе с членами Общественного совета СКФО также противостоит «западному глобализму». И еще как противостоит!

На том же мероприятии полпред президента в СКФО Сергей Мерзликов предложил провести ревизию музейных экспозиций и поддержал унификацию учебников истории. Ныне в соответствии с последними идеологическими установками чиновники и близкие к ним профессора эту идею заобожали. Но ведь ясно, что впоследствии этот единый учебник будут менять и переписывать. Было в прежних советских, тоже единых, учебниках «татарское иго»? Было. Потом оно стало татаро-монгольским, потом ордынским, похоже, в очередном едином учебнике никакого «ига» вообще не останется. Вместо него пропишут «средневековые цивилизационные основы евразийской интеграции». Дарю эту формулировку составителям новейшего учебника истории.

Государство всеми этими проблемами крайне обеспокоено, выделило 7,2 млрд. руб. на принятую в 2013 г. федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнополитического развития народов РФ до 2020 г.» и будет еще выделять деньги. В октябре 2014 г. в Ярославле на заседании Совета по национальной политике предлагалось создать патриотический молодежный телеканал, поддержать интернет-портал «Этнорадио», обя-

вить для СМИ конкурсы на лучшее освещение вопросов по укреплению межнациональных отношений. Но, пока суд да дело, по признанию директора Центра политических исследований Майи Аствацатуровой, в конфликтных ситуациях «этническая и конфессиональная принадлежность, как правило, берет верх».

Действительно, сплочение быстрее происходит при наличии внешнего врага. Так оно понятнее. Звучит как-то неловко: нынешняя антизападная в определенном смысле ксенофобия позитивна, потому что консолидирует еще не сформировавшиеся и российскую нацию, и русский этнос. Ни реформы, ни то, что у нас принято именовать демократией, народ не сплотили, а только рассорили. Неужели мы обречены воссоединяться только на основе неприязни, вражды к чему-то, в «боевой обстановке»? Не приведет ли это в конце концов к одиночеству нас, «сплоченных»? Не опасна ли *такая* консолидация?

Любая авторитарная власть заинтересована в ксенофобии. А российская с ее претензиями на сверхдержавность и вечной боязнью потерять свои позиции, — тем более. Величия в истории ищут только идеологи с комплексом неполноценности, с неуверенностью в нем (величии).

На ум приходит вдруг совсем уж кошунственный вопрос: а что, Великая Отечественная война привела к абсолютному сплочению советского народа, как нам многократно показывали в художественных фильмах? Ответ — то непростой. Полтора миллиона советских граждан сражались на стороне немцев; сколько миллионов сочувствовало оккупантам, сколько надеялось, что немцы сломают советскую власть? Никто и никогда не считал.

Из письма немецкого солдата: «Здесь царит страшная нужда. Два столетия здесь терзали и угнетали людей. Нет уж, лучше умереть, чем принять муку и нищету, выпавшую на долю этого народа»². Были немцы, которые нас жалели. Гуляют рассказы о шоколадке, которую Ганс и Курт протянули маленькой русской девочке.

Еще война привела к этническим катастрофам. Чеченцы, балкарцы, ингуши, крымские татары свою депортацию в «мертвых вагонах» не забудут никогда. Даром такое не проходит. После аннексии Крыма на местных татарских кладбищах появилось несколько свежих могил. В них похоронили тех, кто помнил высылку 1944 г. и боялся, что она может повториться. Историческая память намного сильнее, чем может показаться, особенно если ее реанимации способствует политика. «Пепел Клааса стучит в мое сердце».

Философ Александр Неклесса, перечисляя имеющиеся в наличии у России «цивилизационные ресурсы», называет: 1) христианство как таковое, которое связывает нас с Европой, 2) православное христианство, которое «дает возможности для взаимодействия, особенно в таких острых горячих точках как Грузия, Украина и — в перспективе, учитывая некоторые наметившиеся трещинки — в ситуации с Белоруссией», 3) «евразийский капитал»⁵. Теоретически Неклесса, возможно, прав. Но на самом деле все происходит с точностью до наоборот. Сегодня эти самые «цивилизационные ресурсы», точнее, то, как они используются государством, отдаляют Россию от остального христианского мира. Тверды различия между западным и восточным христианством. Одно из них, возможно, не самое важное, но в чем-то символическое, упоминает в своей работе «Восток-Запад в споре вер» архиепископ Русской православной церкви в Западной

Европе при Вселенском Патриархате священник Владимир Зелинский. Западные христиане, пишет он, «удивляются нашей постоянной озабоченности потусторонним, тому наваждению страха перед загробной судьбой, присущему если не всякой "восточной" душе, то всей нашей духовной, молитвенной, литургической традиции. Зачем сорок раз взывать "Господи, помилуй!", если Бог и так нас любит?»⁴.

Что касается «евразийского капитала», то его еще придется «капитализировать». В 2014 г. выяснилось, что сделать это очень непросто. Украинский кризис выявил зыбкость этого капитала. Тем более искусственным представляется евразийство как некая общая культура, принадлежность к которой дружно признают «евразийские народы». Вы слышали от нормального «среднего русского» (Александр Дугин не в счет), казаха, белоруса, узбека, армянина, что он, дескать... евразиец, тем более «неоевразиец»?

Ну а как заговорим о миграции, на нас, русских, да и нерусских, а вообще на *коренных* жителей, обрушиваются цифры. Я цифры не люблю. Я им не полностью доверяю. Хотя бы вот почему: в свое время накануне прихода к власти в Иране аятоллы Хомейни какие-то умники провели опрос среди местного населения. И выяснили, что а) никакой исламской революции в этой «мусульманской Франции» быть не может и б) никакому Хомейни там ничего не светит. А он, наплевав на социологические проценты, взял да и стал тем, кем он стал. Про учиненную им революцию можно спеть советскую песню с припевом — «есть у революции начало, нет у революции конца».

Но полностью игнорировать социологические опросы не надо, особенно если они проводятся систематически. Так вот, по данным Фонда общественного мнения, положительно относятся к мигрантам из Закавказья 19% россиян, Средней Азии — 16, Северного Кавказа — 14. Опросы ВЦИОМ выявили, что 53% требуют ужесточения закона миграции, и только 6% предлагают облегчить въезд. По данным «Левада-Центра», 73% — за выдворение мигрантов, причем с 2006 г. число таких ответов выросло на 20%. Согласно данным Исследовательского центра портала Superjob.ru, 52% уверены, что иммигранты повышают уровень преступности. (Впрочем, среди 587 тыс. заключенных России мигранты составляют лишь 4,5%.)

По мнению аналитиков из Института национальной стратегии, подготовивших материал «Социальные риски миграции», мигранты подкладывают под российские города «демографическую бомбу». Наиболее активную часть мигрантов составляют молодые мужчины; среди мигрантов-киргизов их 30,1%, среди таджиков (и вьетнамцев) — 31%, среди узбеков (и афганцев) — 32%. Кровь бурлит, поведение становится чересчур активным. Спрос рождает предложение. В результате, если в 2000 г., по данным МВД, число проституток в России колебалось от 267 до 400 тыс. штук, то сейчас их 1 млн. Еще одним печальным следствием омоложения миграции стал рост количества изнасилований.

У пожухшего юмориста Михаила Задорнова в одном концертном номере был такой текст: «...но тут пассажир из Узбекистана (дело происходит в самолете) снял ботинки...» После этого сообщения все понимающе смеялись. Прошли годы. И вот на Первом канале в программе «Жить здорово» ее ведущая Елена Малышева объясняет телезрителю, с представителями каких народов и рас не следует пить водку, в частности, по ее мнению, не следует садиться за

алкогольный стол с «узкоглазыми» и «луноликими». Тема, с кем пить, всегда была приватна. Тем более выносить ее на обсуждение с расовым уклоном во всю ширь федерального телевизора как-то неприлично.

Помните песенку из «Иронии судьбы...» — к нам «ходят в праздной суете разнообразные не те»? Ну, прямо про иммигрантов. И все же без паники! Мы не одни такие. Есть Европа, где ситуация — кто говорит, лучше, кто — хуже. Далее, попробуйте отнестись к миграции... ну, как к неизбежным изменениям климата. Слышу в ответ: нашел, с чем сравнивать, климат-то от Солнца, от космоса, от Бога наконец. Но, заметьте, и человеческая история тоже есть в немалой степени следствие климата, рельефа местности, природы. Кочевники шли туда, где больше травы, мигранты едут туда, где больше денег.

Взглянем на миграцию чуть шире, отрешившись от бытовых стереотипов (понимаю, как это трудно). Тогда легче догадаться, что миграция — не только перемещение людей в поездах, на самолетах и лодках, но это еще и движение народов, причем не обязательно самых, как теперь модно говорить, креативных. Вспомните гуннов и их вождя Атиллу. Радуйтесь, что киргизы с узбеками — не гунны, разломавшие Римскую империю, и не монгол Тимур, которого в современном Узбекистане почитают родоначальником тамошнего государства.

История покатила вспять: то мы осваивали их, теперь они — нас. А может, она пошла по кругу: в средние века шли с Востока на Запад, потом Запад шел и осваивал Восток, теперь освоенный или полуосвоенный им Восток потянулся на Запад? Есть в этом движении смирение, признание восточной неполноценности, но есть и вызов: мы будем жить у вас, но по нашим правилам, а коли получится, то и вас заставим жить по нашим. Некоторые мусульманские богословы, например, знаменитый теолог Юсуф Карадави, говорят о европейском шариате для меньшинств, полагая при этом, что шариат для меньшинства когда-нибудь обернется и шариатом для большинства. В России в 2014 г. адвокат Дагир Хасавов заявил, что в России попытки помешать выполнению решений шариатского суда приведут к насилию и «Москву зальет море крови». «Мусульмане, — развивал он впоследствии свою мысль, — не хотят ввязываться в многоступенчатую судебную систему, она им чужда». За это высказывание его, конечно, осудили российские имамы и муфтии, но в чьей-то памяти хасавовский эпатаж сохранится надолго.

Задуматься о том, что миграционный процесс необратим, диалогизировать с входящими в нашу жизнь новыми этнокультурными социумами все равно придется. Не нам, так внукам, правнукам уж точно придется. Да и правнуки эти будут более «полиэтническими».

Самая многочисленная и проблемная миграция — мусульманская. Раньше к нам устремлялись несчастные, просто узбеки и таджики, исподволь пившие водку. Теперь в Россию на работу приезжают не узбеки-таджики-киргизы, но мусульмане, и как мусульмане они ощущают себя уже по-иному. Чем отличается средний мигрант 2014 г. от мигранта десятилетней давности? Тем, что он молится по несколько раз в день, что ему нужна мечеть. Социологических опросов сам не проводил. Но наблюдаю, как творят мусульмане на моем участке молитву, и я отхожу в сторону... чтоб не отвлекать. В Москве 4 мечети на — по разным данным — от одного до полутора миллионов мусульман. По мнению чиновников, если город будет строить мечети, то получится, что — для «чужих», еще

больше поощряя их приезжать. Но они и так будут приезжать. При мизерном количестве мечетей на праздник Курбан-байрам вокруг Московской соборной мечети, что в Выползовом переулке, собирается до 100 тыс. верующих. Это создает напряженность, вызывает раздражение у окрестных жителей, которые не могут пройти к своим домам. Возникают нелицеприятные межэтнические и межконфессиональные диалоги.

Сами москвичи в своем большинстве против строительства новых мечетей. Конфликты в этой связи уже случались. Например, на митинг против строительства мечети в районе Митино вышла одна тысяча человек. Митинг был почти спонтанным. Много это или мало? Не знаю. Зато коммунистам, чтобы собрать 200 чел. пришлось проводить длительную идейно-организационную работу.

В России складываются самостоятельные, живущие по своим законам «параллельные» этнорелигиозные ареалы. В 2011—2013 гг. поговаривали о возможности появления «мусульманских гетто». Между прочим, на опасность такого развития событий указывал Совет муфтиев России. Россия и Европа, при всех исторических различиях, сталкиваются с одной и той же проблемой — как вписать мигрантов в свою страну и общество. Механизм пока не найден. Не сработала ни адаптация, ни ассимиляция, ни даже мультикультурализм, на который еще недавно так сильно уповали.

Ситуация архитревожная. Правда, по данным Центра изучения национальных конфликтов и федерального агентства «Клуб регионов», с апреля по сентябрь 2014 г. проявления межнациональной вражды сократились на 35% (притом, что интернет-экстремизм вырос на 24%⁵). Однако такое понижение не слишком утешает, поскольку произошло оно в результате переориентации ксенофобских настроений с внутренних «врагов» на внешних — Запад и Украину. В российском лексиконе утвердилось подленькое «укры», или «укропы». Раньше, чтобы обидеть, говорили «хохлы». «Хохлы» не обижались, и киевские друзья моего папы именовали матч 1964 г. между киевским «Динамо» и «Селтиком» из Глазго (киевляне были первой командой, участвовавшей в Кубке европейских чемпионов) «Хохляндия-Шотландия». И все смеялись.

Проведенный в декабре 2014 г. опрос Фонда общественного мнения засвидетельствовал: плохо к Украине относятся 59% россиян, и рост враждебности только за минувший год составил 33%. Да что проценты! Покупаю водку в рыночной палатке. Вижу, стоит украинская «перцовка». Прошу две бутылки. Тетка дает одну и говорит, что это — последняя, и продолжает: «Больше ее не будет, мы у них не покупаем, вы ж знаете, что они нам отравленную водку продают».

Я обозвал ее дурой и ушел с одной бутылкой. А тетка-то не виновата. Даже при голосовании среди либеральных слушателей «Эха Москвы» (22 дек. 2014 г.) обнаружилось, что более 20% считают, будто Украина готовит теракты в России.

Однако переориентируя свою ненависть на американцев и «укров», неприязнь к «азиатам» мы все же сохраняем. Лидер объединения «Русские» Дмитрий Демушкин на Русском марше, в ноябре 2014 г. напомнил, что от борьбы с миграцией националисты отказываться не собираются.

Признаем и признаемся, что в России происходит интенсивное проникновение национализма в гражданское общество или как у нас там эта штука называется. Гражданское общество считалось панацеей от всех бед. Но это не

совсем так. Государство заражает это наше хлипкое гражданское общество национализмом, а противопоставить этому нечего. Нет у нас нужного иммунитета.

Делать-то что? Будет ли найден оптимальный, «один на всех» выход, чтобы раз и навсегда установилась дружба народов? Сомневаюсь, что ООН или «Всемирный совет мудрецов» изобретет идеальную модель человеческого общежития. Последней такой попыткой была Вавилонская башня. Но испуганный консолидацией созданных им же по своему образу и подобию творений Всевышний конструкцию обрушил, а людей разделил так, что они до сих пор не могут договориться между собой.

Между делом мы ищем выход сами, на подсознательном уровне. Два года тому назад в нашем дачном кооперативе, что под городом Наро-Фоминск, появился мужчина из Узбекистана по имени Али. Мигрант как мигрант, только обращался он к моей жене не иначе как «сестра Наташа». Мы посмеялись, стали называть его брат Али. Брат Али честно и хорошо выполнял разного рода ремонтные работы, начал трудиться на благо всего кооператива. Он стал своим. Если хотите, «своим мигрантом», но все же упор я бы сделал на прилагательном — «свой». Мы и ругаемся с ним по-свойски, но мы притерлись психологически. Наш сосед по московскому дому под Новый год притащил дворникам-киргизам шампанское. Не подумайте только, что наша семья представляет символ «дружбы народов», а «брат Али» — идеальный образчик мигранта. Скорее всего, у обеих сторон, так сказать, оказался пониженным порог ксенофобии. Впрочем, как и у многих других людей.

Кстати, по дороге между нашим кооперативом и Наро-Фоминском года три тому назад построили очень добротную и солидную по меркам Московской области мечеть, в этом году на нее водрузили небольшой купол с полумесяцем. И никому не стало от этого хуже.

Что такое толерантность? Это когда ты терпишь другого, даже того, кто тебе малосимпатичен. Василий Розанов в «Опавших листьях» говорит: «Есть дар слушания голосов и дар видения лиц. Ими мы проникаем в душу человека»⁸. Проникать в душу не обязательно, но слушать и пытаться понять... Чем сильна Америка? Там все изначально были приезжими. И привыкли к тому, что нужно терпеть соседа. С индейцами и неграми промашка вышла, их за людей не считали. Обстановка немного разрядилась благодаря романам Гарриет Бичер-Стоу и Фенимора Купера. Но ведь и индейцам все эти ирландцы, немцы, англичане и прочие «шведы» виделись наглыми и жестокими «гастарбайтерами».

Ты меня терпишь, я — тебя. Приучаться к терпению нужно, начиная с себя, с семьи. Если не воспитывать человека с раннего детства, то еще до школы ребенок быстро усвоит, кто свой, кто чужой, кто плохой. Но помимо семейного воспитания существуют и школа, и улица, и пропаганда — раньше советская, а теперь постсоветская, которая упорно навязывала и навязывает ксенофобию коренным жителям — славянам и не только. Известно, что для наших татар иной незванный гость из Центральной Азии или Северного Кавказа «хуже татарина».

С другой стороны, и «гости» слишком часто ведут себя неадекватно. И потому, когда я говорю о необходимости воспитывать уважение к иному, то имею в виду все семьи, к какому бы народу они ни принадлежали. Молодых

выходцев с гор их отцы, матери, набравшиеся житейского опыта старшие братья должны предупреждать, что Москва и Санкт-Петербург — не большой аул, а нечто другое. В противном случае гласный и негласный запрет на вход кавказцев в бары и ночные клубы, что практикуется в Москве, Орле, Санкт-Петербурге, Саратове, Твери, Якутске будет иметь свои оправдания.

По данным ВЦИОМ, в 2014 г. 33% россиян признавали, что за последние годы люди друг к другу стали более нетерпимы⁹, и кривая нетерпимости растет².

Терпимость, однако, имеет свои границы. Где они проходят, сказать трудно. Терпимость — обоюдоострый инструмент, поскольку порой терпимость одной стороны воспринимается другой стороной как слабость. В сознании российских граждан сохраняется убежденность, что «Кавказ признает только силу».

В СССР с диалогом культур дело обстояло сравнительно просто. Мы вступали в него по официальным праздникам и декадам советских народов. Приезжали на юбилейные даты местные творческие коллективы — плясали, пели на родном языке (в основном, конечно, плясали). Злобный Михаил Веллер об этом писал так: «Во Дворце съездов шло супердейство "Великому Октябрю — пятнадцать декад национального искусства пятнадцати братских республик!". И республики прогибались и пыжились счастьем будьте спокойны (пунктуация и синтаксис оригинала. — *А.М.*). Плясуны выкаблучивали, хористки вскрикивали, музыканты лязгали, граждане выключали телевизоры и шли чистить зубы перед сном»⁶. В советском просторечье народная среднеазиатская музыка именовалась «один палка, два струна». Впрочем, и русская гармошка не встречала понимания у декхан Ферганской долины. «Этнические танцы» — дело скучное, нудное, если, конечно, самому в них не участвовать.

Однако был и иной диалог. В Махачкале стоит памятник русской учительнице — молодая женщина в сапогах, с раскрытой книгой в одной руке, другой опирается на глобус. Я говорил со многими моими дагестанскими друзьями, они помнят, как звали их учительниц.

Коллега-этнолог поведала мне историю о «русской среднеазиатке», которая, вернувшись на свою историческую родину, зашла в церковь и попросила священника помолиться за ее родных. «Батюшка был выпивши, стал ругаться. А у нас (в Таджикистане. — *А.М.*) как хорошо было — зайдешь к мулле, дашь ему рубль, он и помолится». Отдельным людям разных религий куда проще договориться между собой, чем самим религиям.

Диалог происходил и при очень печальных обстоятельствах. Писатель Георгий Пряхин рассказал, как в село Николо-Александровское (на границе Калмыкии и Дагестана) большевики пригоняли тысячи азиатов, по большей части узбеков — «баев», «басмачей» и их «пособников»⁷, а на самом деле самую обыкновенную бедноту, как потом та же власть гнала сюда уже русских «кулаков» и «подкулачников». Как гнобили и тех и других — «смерть усердно прореживала и узбеков, и русских». И как поддерживали, спасали люди друг друга. В общем, создали большевики все условия для диалога цивилизаций. Потом «прощенные» советской властью узбеки вернулись домой. От них осталось кладбище, в котором лежат кости семи тысяч человек. Кладбище превратилось в пустырь. Нельзя ли узбекским властям, состоятельной диаспоре

обратить внимание на эту, по выражению Пряхина, «акупунктурную» точку на безбрежном российском пространстве?

Думаю, что позаботиться об остатках кладбища обойдется не дороже, чем монумент Тимуру.

«Официальный» диалог религий и цивилизаций больше выглядит фикцией.

Каким может быть диалог между религиями, если каждая заведомо уверена, что она мудрее и «истиннее», чем та, что напротив. Ислам — последняя религия, протестантизм — самая успешная, православие — самая духовная, буддизм — тот вообще вообрал в себя все религии... Мы — за мир, вы — за мир, они тоже за мир. Но мы за мир больше, чем вы. Может, правильнее говорить о *монологе цивилизаций*, каждой цивилизации? «Монолог цивилизации» звучит естественнее.

Религии — конкурирующие системы в борьбе за человека, за общество и за государство. Они схожи своим стремлением присутствовать на мирском — социальном и политическом — пространстве, они борются за место под солнцем.

В Евангелии от Матфея приводятся слова Христа: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю, не мир пришел Я принести, но меч» (Мф., 10:34). Сказано честно. Можно давать разные теологические и «светские» толкования этому меседжу, но суть высказывания не изменится. Николай Бердяев писал, что «самая крайняя реакционность и самая крайняя революционность одинаково готовы оправдать себя христианством»⁸. А в исламе разве не так? А в других монотеизмах? Да, сегодня крайности наиболее ярко обозначены в исламе. Хотя что здесь неожиданного? Ислам всегда был самой обмирщенной, самой политизированной религией. Пророк Мухаммад был *политиком*, ставившим перед собой *политические* задачи и добивавшимся на этой стезе успеха.

Исламское государство есть, а христианского нет, исламская экономика тоже есть, есть исламский банк, а православной (хотя есть придуманная в РПЦ православная бизнес-этика) и буддийской экономик нет, как нет и католического банка. Впрочем, ошибаюсь: пока готовился материал, в РПЦ додумались и до православного банка. В декабре 2014-го, в самый канун Нового года председатель Синодального отдела по взаимодействию церкви и общества Московского патриархата протоиерей Всеволод Чаплин заявил, что «у группы российских финансистов есть конкретный план по развитию православного банкинга». Бог им всем судья, но зато какие перспективы для партнерства с Исламским государством!

Другой вопрос, что исламского государства, как исламской экономики, никто в глаза не видел. Зато борьба за него идет и будет идти вечно, что в Иране, что в Афганистане, что на Ближнем Востоке, что на Северном Кавказе.

Диалог подразумевает желание понять другого, в данном случае — целую цивилизацию, в том числе разобраться, в чем она может оказаться лучше твоей собственной. А оно нам нужно? Без знакомства с другой цивилизацией, без уразумения ее преимуществ жить спокойнее. Конечно, кое-какая потребность в чужом опыте имеется. Каждому нужна передовая технология, изобретать которую одни цивилизации научились, а другие нет. Во всех цивилизациях люди хотят иметь iPad'ы и компьютеры. Зато не хочется заимствовать чужие цивилизационные ценности. Это правильно, ибо научиться стучать пальцем по клавишам проще, чем разобраться, в чем причины успеха обитающего по соседству создателя клавиш. Вдруг придется признать, что одна из глубинных —

культурных, исторических — причин материального успеха — это религиозное реформаторство или приоритет личности над общиной, или контроль общества над государством. Вдруг придется признать, что твоя цивилизация «попроще» «ихней», что она заметно отстает!

Скрепя сердце приходится соглашаться, что самой успешной является еврохристианская (западная) цивилизация, ныне без устали проклинаяемая идеологами Исламского государства и российской телепропагандой. Кстати, и исламские халифатисты, и кремлевские идеологи всюду пользуются результатами западных достижений.

Запад «прорезает» Восток. Под его воздействием с начала XIX века медленно, а затем все быстрее там формируются вестернизированные элиты, которые становятся локомотивами развития Востока. Восток, конечно, тоже проникает в Запад. Но делает это куда в меньших масштабах, точно, что ли. Счет принявшим ислам европейцам идет на тысячи (число русских оценивается от 6 до 10 тыс.), в ислам перешел, например, великий океанолог Жак-Ив Кусто, кто-то увлечен буддийскими штудиями, кто-то — китайской философией. Но речь идет, скорее, о любопытстве, о тяге к экзотике. Говорить о серьезном количественном внедрении Востока в Запад я бы не стал.

Экспансия Запада привела к обострению обстановки внутри Востока, где непонимание, трения между частью общества, погруженной в традицию, и «модернизаторами» становятся все более заметными. Напрашивается, пусть и зыбкое, сравнение с «западниками» и «славянофилами» в России.

Введение демократических норм в мусульманском обществе в некоторых случаях способствует усилению в нем фундаменталистских сил. На выборах в Иране, Палестине, Тунисе, Египте, да мало ли где еще, победу одерживали фундаменталисты. И кто знает, каких успехов они могли бы достичь в других мусульманских странах, если бы там существовали демократические нормы. Однажды в 2002 г. имам одной мечети в Ферганской долине, проникшись ко мне доверием, сказал, что, если бы выборы в его стране были честными, то Бен Ладен победил бы уже в первом туре. Преувеличение, конечно, но, если серьезно, то в те годы мусульманские радикалы пользовались в Центральной Азии, и особенно в Узбекистане, значительной популярностью. Вот ведь как получается: именно с утра до ночи нарушающие права человека авторитарные режимы оказываются последней инстанцией на пути исламистов.

Следствием — понятно, не единственным — разногласий между модернистами и «арабофилами» оказалась «Арабская весна», в ходе которой главной атакующей стороной стали приверженцы радикального ислама, сторонники исламской альтернативы. Это был прежде всего внутрицивилизационный конфликт, что было признано в принятой в начале 2013 г. «Концепции внешней политики РФ», где арабская весна трактовалась как «стремление [арабов. — *А.М.*] вернуться к цивилизационным корням» и констатировалось, что «политическое и социально-экономическое обновление общества зачастую проходит под лозунгом утверждения исламских ценностей»⁹. Впрочем, главным тезисом российской официальной идеологии остается то, что арабские революции есть продолжение «революций оранжевых» и спланированы они Западом.

Каждая отдельная цивилизация лепится из этносов, конфессий, локальных и региональных культур, и противоречия внутри нее не менее остры, чем «столкновение между цивилизациями». Только два примера: Варфоломеевская

ночь 1572 года и неприязнь между суннитами и шиитами. Внутри христианства диалог между протестантами и католиками состоялся, в исламе возникшее в Средние века взаимное отторжение сохраняется, а в некоторых случаях переходит в нескрываемую ненависть. Внутрицивилизационный конфликт поставил на повестку дня внутрицивилизационный диалог, который не менее важен, чем «общение» между цивилизациями.

Что случится, если в отношениях между цивилизациями вдруг возникает равенство материальных сил? Очевидно, в исторически короткое время такое может произойти между Западом и Китаем. Внутренний валовой продукт КНР уже превзошел американский. Китай не только страна, это цивилизация, единственная полноценная цивилизация, имеющая государственные границы. Китай как был загадкой, так ею и остался. Возникает чувство, что между китайцами и всеми прочими стоит Великая Китайская стена, за которую можно заглянуть, но которую нельзя пересечь. Китай, китайцы настолько самостоятельны, что никакой диалог им вообще не нужен. Они без него обошлись. Я имею в виду не экономическое сотрудничество, сборку в Китае «пежо», «фольксвагенов», а теперь еще и аэробусов. За китайцами можно подсматривать, но не более того.

Что отделяет китайцев от не-китайцев? Иероглифы. Вот именно ими и выложена Китайская стена. Понравится вам сия метафора или нет, не знаю. Но может ли не-китаец мыслить иероглифами? Можно думать по-французски, по-английски, даже по-арабски, но чтоб иероглифами...

И уж коль речь зашла о языке, точнее, о языках. Никогда не мог уразуметь, для чего Бог устроил смешение языков? Наказать публику за гордыню, конечно, следовало. Но вводить такие жесткие санкции... Останься для всех единственный язык, было бы проще верить в Единого творца. И диалог упростился бы, да и на переводчиков, этих «ямщиков литературы», не надо было бы тратить. А так ведь что получилось? Во французском языке есть слово «l'amour». Амур он и есть Амур, голый нагловатый человечек с большим луком, посредник между мужчиной и женщиной, секс-provokator. Во франко-русском словаре против «amour» написано русское слово «любовь». Слово тяжелое, не в меру «философичное». В разных языках слова «стул», «стол», «шкаф», «кровать» разного рода — где мужского, где женского. И получается, что, разбирая перед сном кровать, одни разбирают *ее*, а другие *его*. Лично мне приятнее спать на ней, а не на нем.

Нашел о чем писать, только бумагу переводит, — возмутится читатель и будет прав. Но я заранее предупредил, что текст этот не более чем заметки. Это раз. А два — это то, что наша национальная традиция, культура каждого народа формируется не только на базе великих побед и поражений, но также из мелочей, к которым мы привыкли, на которые не обращаем внимания или обращаем, когда они вдруг попадают в перекрестье политики и их подкармливают конфликты. Ну, посмотрите хотя бы на оказавшуюся в центре диалога (да и не диалога, а целого скандала) цивилизаций проблему головного платка или хиджаба — что носить, кому носить, где носить...

Но продолжим о языке, теперь уже только о русском языке. Разве селившиеся в Средней Азии, Прибалтике русские стремились хоть как-то выучиться

местным языкам? Пришельцы, простите за выражение, иммигранты (внутренние, разумеется), относились к коренному языку снисходительно. Существовал некий «комплекс колонизатора». Сразу оговорка: комплекс был условным; «наши колонизаторы» не разгуливали в колониальных шлемах. Как-то в середине 1970-х попал я на ташкентский шинный завод, где, трудясь на вредном производстве, губили здоровье русские бабы. Лучше уж носить хиджаб...

Отстраненность от местного мира была естественной. В разных регионах это было обусловлено разными причинами. Например, в Средней Азии русские были заняты почти исключительно в современном секторе экономики, тогда как местные жители работали в традиционных секторах — аграрном, в торговле. Бесконечно долго можно говорить о культурных различиях. Но была и общая причина, состоявшая в том, что советская власть, главными носителями которой были русские, навязывала свою волю силой, разрушала существовавшие до нее социальные, человеческие связи. С этой точки зрения, уничтожение в 1930-х гг. до полутора миллионов кочевников-казахов, а до того сотни тысяч декхан-«басмачей», высылки латышей (126 тыс. человек), литовцев (130 тыс.), эстонцев (20 тыс.) — явления однопорядковые. Это можно считать и формой колонизации, но прежде всего это была *советизация*, под нож которой попадали не столько по этнической, сколько по социальной принадлежности.

Итак, советизация приводила к естественному отторжению русских, но, с другой стороны, столь же естественной была и русификация, главным аспектом которой было распространение русского языка. Знание языка «метрополии» стало обязательной ступенькой для карьеры. В восточных и южных регионах СССР для местной молодежи русский язык открывал новые культурные пространства, через русский в местную культуру вводились новые термины и понятия. В какой-то степени его миссию можно сопоставить с миссией английского языка.

Вот и не было у «понаехавших» русских мотивации изучать местный язык. Не было даже простого интереса к овладению местными «наречиями». Редкие попытки обучить русских чужому языку оказались безуспешны. Однажды это попробовал сделать Сергей Довлатов, решив познакомить русских детей с эстонским языком. Он организовал в «Вечернем Таллине» «Эстонский букварь», где напечатал такое стихотворение:

У опушки в день ненастный
Повстречали зверя (на картинке был изображен мишка. — А.М.).
Мы ему сказали: «Здравствуй!»
Зверь ответил: «Тере!»
И сейчас же ясный луч
Появился из-за туч.

Инструктор местного Центрального комитета партии назвал это «шовинистической басней», в которой намекается на то, что эстонцы — звери. Довлатову дали по шапке, и дело тем кончилось.

В трудные годы царизма работавшим в Туркестане русским чиновникам за знание местных языков полагалась доплата к жалованью, если не ошибаюсь, до 15%. Спросите теперь, сколько сотрудников российского посольства в Казахстане знают казахский язык, в Узбекистане — узбекский, а в Азербайджане — азербайджанский. А ведь, не зная языка, не поймешь, до конца не прочувству-

ешь, где живешь, где работаешь. Классиком было отмечено, что русские вообще «не любопытны». Образцом нелюбопытности мне долго служил один трудившийся в Алжире полковник, гордившийся тем, что в городке, где он проживал, дальше рынка нигде не был. К тому же он призывал своих подчиненных.

Был совершенно не любопытен и не способен к диалогу коммунизм, на котором воспитывалось три советских поколения. Позиционировавший себя как религия, как совершенная общественная цивилизация советский коммунизм был агрессивен больше, чем любая другая религия, но все равно уверял, что именно он и есть «религия мира». Вот характерные высказывания советских политиков: «мир капитализма обречен», «у нас с вами (Западом. — *А.М.*) главное разногласие по земельному вопросу — кто кого раньше зароет», «мы еще покажем последнего попа». Нас систематически отучали от диалога, да и просто не пускали за границу, для чего существовала так называемая «выездная виза».

Коммунизм схож с атеизмом, последователи которого честно заявляют, что Бога нет, что они не нуждаются в этой «гипотезе». Дело, однако, в том, что при советской власти атеизм из частного убеждения превратился в государственную политику и стал почти таким же страшным, как и коммунизм.

«У советских собственная гордость», и далее: «на буржуев смотрим свысока». Но смотрели свысока не только, и даже не столько на буржуев — своих истребили, а до чужих было не доехать. «Свысока» смотрели вообще на все. Официально смотрели. Неофициально всемучужому, «буржуйскому» завидовали.

Как долго сами приучались, приучали и приучили остальные народы СССР к тому, что русские им старшие братья! Мы и китайцев к этому чуть не приучили, но Хрущев нарвался на Мао Цзэдуна, который живо объяснил Никите Сергеевичу, что его, китайца, учить не надо. После одной из встреч с Никитой Сергеевичем Мао говорил своим приближенным: «Их истинные намерения контролировать нас. Они пытаются связать нас по рукам и ногам, но ведут себя как идиоты...» Интересно, что бы сказал председатель КНР о нынешних российско-китайских отношениях?

В Восточной Европе почему памятники советским солдатам крушат и передвигают с глаз долой? Потому что у местных жителей эти памятники вызывают ощущение, будто «старший брат» навсегда у них обосновался в роли надзирателя. Да к тому же еще до сих пор назойливо требует благодарности за совершенное 70 лет тому назад. В 1968 г., когда СССР оккупировал Чехословакию, появился анекдот: что думает чех, когда утром видит под своими окнами танк? — Брат приехал.

И будто в наказание за советское политхамство, при Путине, «встав с колен», Россия превращается в младшую сестру Китая.

Когда братья-славяне от имени РСФСР, УССР и БССР в 1991 г. подписывали в Беловежской Пуще известный договор, они, как потом выяснилось, не хотели разрушать Советский Союз. Они были уверены, что не разваливают страну, но просто ее переделывают, а все прочие неславяне (короче — «чурки») прибегут, приползут и подпишут все, что им повелят. Но не приползли.

Между прочим, есть мнение, что стань в то тяжелое время президентом лежавшего в коме СССР неславянин Назарбаев, недавняя история могла

оказаться иной. Не хочу ни с кем на этот счет спорить, но что-то подсказывает реальность «назарбаевского сценария» выживания Союза.

Образ «старшего брата» намертво встроено в отечественную политическую культуру. Порой он переносится на другие культуры и народы. Как страстно убеждает Кремль французов с немцами, у них тоже есть старший, «большой брат» — американцы! Потребность европейцев в «большом брате» оригинально истолковал национал-подросток и большевик Эдуард Лимонов, однажды утверждавший, что Запад обожал Сталина, «его сапоги, усы, трубку, фуражку и звезды генералиссимуса и (западники. — А. М.), как нашкодившие дети, грезили о наказании, чтобы суровый отец народов снизошел до их порки». И далее: «Запад зайдет в экстазе, если в России восторжествует суровый и красивый, молодой, стройный хищный зверь без лишних мышц»¹⁰. Ошибся писатель. Пришел и суровый, и стройный, но мазохистских настроений в Европе и Америке незаметно. Да, в паре рейтингов «сурового и стройного» поставили на первое место среди мировых политиков. Но ведь это первое место «со знаком минус».

Обидно другое. По лености Россия теряет свое культурное, как принято называть, русскоязычное пространство. Она оказалась неспособной защитить эту культуру, точнее, правящий класс не захотел ее защищать. Ведь пользы для его личного кармана от этого никакой. Разговоры на эту тему на девяносто девять процентов остаются формой популизма и пропаганды одновременно. Произносимые словеса благородны, но за ними ничего не стоит, не считая парадных мероприятий и наградений. Понятно, противостоять натиску английского, этого тарана западной культуры и западных технологий, невозможно. Да и незачем. А вот сохранить заповедник, лучше сказать, оазис русской культуры, было возможно. Что стоило повысить за счет федерального бюджета зарплату преподавательницам русского? Понятно, что это смотрится не так помпезно, как оказавшийся неподъемным мост через Керченский пролив. Не то обидно, что через 30 лет наши постсоветские внуки будут общаться между собой на английском. Плохо, если русский останется совсем уж маргинальным, ненужным.

Пока что русский где-то сохраняется как второй официальный, где-то — как язык межнационального общения. Практика показывает, что договориться о статусе языка всегда возможно. Другое дело, что этот вопрос оказывается инструментом политической интриги. Его разыгрывают как местные националисты, так и российские «патриоты», включая тех, кто состоит в политическом истеблишменте. В результате русский становится каким-то «обиженным», вечно нуждающимся в защите языком, а то и «языком оппозиции», в чем также мало хорошего.

Правда, в какой-то мере русский язык поддерживают мигранты, которые, с одной стороны, овладевают им в рамках производственной необходимости, зато с другой, будут нуждаться в его освоении по мере того, как какая-то их часть оседает на российских просторах. И посылает своих детей в московские, Санкт-Петербургские, Саратовские и прочие школы.

Заметки подходят к концу. Они далеко не эвристичны. Я ничего не открыл, нового ничего не предложил. Однако выводы делать придется, хотя я этого не

люблю. Выводы эти относятся к лицам всех национальностей, включая азиатскую, кавказскую, русскую и пр.

Вывод первый. Сосуществование народов, культур, религий — вечная и всеобщая проблема. Мы — не враги, мы просто разные.

Вывод второй. Берегитесь собственных фобий, этнических и религиозных. Да, фобии заложены в человеческой натуре. Но учитесь сдерживать их. Одергивайте «своих» ксенофобов.

Вывод третий. Меньше верьте политикам и нынешней телепропаганде, вдалбливающим, что вокруг нас одни враги и американцы.

Вывод четвертый. Не проклиняйте миграцию. Движение народов было, есть и будет, ибо оно — один из движителей нашей общей цивилизации.

Вывод пятый. Не брезгуйте чужим. Заимствуйте то, что вам подходит. Когда-нибудь оно станет вашим.

Вывод шестой. Воспитывайте в себе любопытство, интерес к чужому. Попробуйте понять, почему одни тянутся к хиджабу, а другие к мини-юбкам. Почему одна цивилизация запрещает вино, а для другой — выпивка неизбежная часть культуры общения.

Вот видите, как все просто...

И все же...

P.S. Несмотря на всю мою терпимость, есть на постсоветском пространстве один народец, который мне (и не только мне) несимпатичен. Он держится сплоченно, ведет себя вызывающе и постоянно дает тебе понять о своем превосходстве. Я сталкивался с выходцами из него в Казахстане, Азербайджане, Кыргызстане, Таджикистане, в Москве, в Казани — словом, повсюду. Несмотря на дисперсность, у этого «этноса» единые поведенческие нормативы, психология и даже одежда. Это — гаишники. Про российских даже не говорю. Но однажды я переезжал из Алматы в Бишкек, а спустя несколько дней обратно. Шофера-казаха сразу остановили киргизские «полицейские», на обратном пути шофер-киргиз был схвачен их казахстанскими коллегами. Оба водителя отозвались о стражах порядка одинаково — «ну и *народ*».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Избави Бог подумать, что название украдено у В.И. Ленина, озаглавившего в 1913 г. свою статью — «Критические заметки по национальному вопросу». Я сам додумался.

² Кершоу Роберт. 1941 год глазами немцев. Москва, «Яуза-Пресс», 2009. С.305.

³ Неклесса А. И. Политическая стратегия России представляет собой непаханное поле. Цивилизационные активы и цивилизационные рамки национальной российской политики. Материалы постоянно действующего семинара. Выпуск № 6 (15). Москва, 2009.

⁴ Свяц. Владимир Зелинский. Восток-Запад в споре вер. Вера. Диалог. Общение. Проблемы диалога Церкви и общества. Свято-Филаретский Институт. Москва, 2005. С.362.

⁵ Мухаметшина Елена. Националисты притаились. Ведомости, 7 окт. 2014.

⁶ Веллер Михаил. Легенды Арбата. Изд. «Москва», 2010. С. 54.

⁷ Пряхин Георгий. Чтобы не улетела навсегда птица памяти. Российская газета, 11 декабря 2014.

⁸ Бердяев Николай. Философия неравенства. ИМА-ПРЕСС, Москва, 1990. С.21.

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации.

¹⁰ Лимонка, 1996, № 31.

Юрий Каграманов

Кого ждет «триумф воли»?

Противоборство идеологий на Украине

В Средние века случалось, что художник изображал то или иное событие происходящим одновременно на трех уровнях: в небе, на земле и в аду. Вероятно, события на Украине тоже сопровождаются какими-то действиями в небе и в аду, только мы о них, естественно, ничего не знаем. Но и то, что доступно взору, совершается на двух разных уровнях: собственно на земле и в сфере, назовем ее так, земных испарений — идейной. На земле мы видим, что одно войско противостоит другому и между ними протянулась более или менее четкая линия фронта; пока, во всяком случае, дело обстоит таким образом. А в идейной сфере нет четких границ, а есть туманные образования, которые нередко переходят одно в другое, а то и простираются за границы самой Украины, то есть бывшей Украины.

Der Kampf geht weiter¹

В советские годы часто цитировали Брехта:

Ещё плодоносить способно чрево,
Которое вынашивало гада.

Речь — о фашизме, если кто не знает. Строки Брехта отдавали риторикой: фашизм, особенно в его германской разновидности национал-социализма, до такой степени был дискредитирован, что трудно было представить, чтобы он еще мог кого-то увлечь; небольшие кучки одержимых, которые всегда и везде находятся, не в счет.

Иначе думал известный французский писатель Морис Бардеш, единственный в стране «высоколобий», который в послевоенные годы выступал в защиту фашизма (ему удалось избежать тюрьмы за свои взгляды только потому, что в период оккупации он не был замечен в коллаборационизме). В своей книге «Что

Каграманов Юрий Михайлович — культуролог, публицист, постоянный автор «Дружбы народов». Последние публикации в «ДН»: «Вокруг "иранской идиомы"» (№ 12, 2009), «Что нам готовит год 2083?» (№ 12, 2011), «Крик Майастры. Перспектива консервативной революции в Европе» (№ 2, 2013); «Нерон высадился в Америке» (№ 8, 2013); «На подходе ко второму Просвещению» (№ 1, 2014); «Призрак Закона» (№ 7, 2014).

такое фашизм?» (1961) Бардеш утверждал, что фашизм вечен, но это не должно никого пугать: ужасы, связанные с гитлеризмом, объясняются привходящими обстоятельствами, вовсе не органичными для фашизма. Умозрительно можно представить, с точки зрения Бардеша, некий «чистый фашизм», представляющий собою вполне благообразную картину в нравственном и эстетическом отношении. В другой своей книге Бардеш писал, что «идеальный тип» фашиста равняется на высокие образцы древней Спарты, где «городом управляла каста воинов, которая никому не позволяла вмешиваться в дело управления. Она брала на себя бремя защиты родины и несла его всю жизнь... В этой среде вырастали дети, организованные в отряды, подобные балилье (организация молодежи. — Ю.К.) в фашистской Италии или Гитлерюгенду».² Так что в идеале фашизм прекрасен, утверждал Бардеш, а что касается гитлеризма, то это лишь «предварительный набросок» фашизма, во многом не удавшийся и подлежащий исправлению.

В соседней Италии не менее известный философ Юлиус Эвола, который защищал фашизм до, во время и после войны, занимал сходную позицию. Психология фашиста, писал Эвола, это вообще психология жителей осажденных городов, которая во все времена была одна и та же; конечно, осада рано или поздно снимается, но «сознательные» жители не позволяют себе расслабляться, готовясь к следующей осаде.

В обоих случаях аргументация — крайне хрупкая. Когда снимается осада, на стенах города остается, конечно, какая-то стража, но если нет непосредственной угрозы новой осады, трудно ожидать от остальных жителей, чтобы они сохраняли прежнюю кондицию. А подвиг «трехсот спартанцев» всегда вызывал и будет вызывать восхищение, но ведь не каждый день приходится защищать Фермопилы. В другие же дни жизнь в Спарте оставалась довольно-таки монотонной; в любом случае это была племенная архаика, в наше время невозпроизводимая. Несравнимо ближе нам «музыка» Афин с их великими мыслителями, художниками и поэтами; ее не очень портит даже гомон развращенной толпы (вызывавшей отвращение, например, у Аристофана).

Оба автора неоправданно распространяют фашизм на прошлое. На самом деле фашизм — феномен XX века; это реакция на прогрессизм в обоих его основных изводах, либерализм и коммунизм. И психология фашиста — очень специфическая, не имеющая аналогов в прошлом.

В интерпретации знаменитого психолога К.Г.Юнга фашизм — «мечь Вотана», древнегерманского «бога грозы и неистовства». Полтора тысячелетия Вотан спал на горе Кифгайзер, пока охранявший его ворон не возвестил о наступлении «утренней зари», что означало: пришел час восстать против Христа. Можно приблизительно установить время, когда ворон клюнул Вотана: это конец XIX — начало XX века.

К сожалению, и Бардеш, и Эвола оказались правы в том, что у фашизма есть будущее. Хотя то, что мы видим сегодня, — это отнюдь не «чистый» фашизм, совсем наоборот. Очевидно, есть два фактора, способствующие возобновлению фашизма.

Первый из них — ускорение морального разложения в широком ареале евро-американской цивилизации. На что фашизм отвечает регрессивным морализмом, находящим немалое число сторонников.

Второй фактор — пробуждение полузадавленного расового чувства, чему есть объективные причины: начавшееся вымирание европейской расы, которую теснят другие расы. От расизма былых времен это чувство отличается тем, что

является, так сказать, оборонительным. Как таковое, оно имеет право на существование; проблема здесь в том, чтобы не превышать пределов необходимой обороны. А современные фашисты целиком перенимают агрессивный расизм своих предшественников. И Бардеш, и Эвола ошибались, считая, что расизм и антисемитизм служат для фашиста чем-то вроде боковых приставок, совсем для него не обязательных. Эвола, правда, имел основания так считать, поскольку брал под защиту итальянский фашизм, изначально чуждый расизму и антисемитизму (Муссолини принял некоторые репрессивные меры против евреев лишь под давлением Гитлера, уже в поздний период своего владычества). Но современные фашисты (быть может, за исключением итальянских) равняются на национал-социализм со всем его идейным багажом, как на самый «яркий» образец фашизма.

Лет двадцать назад я писал в «Новом мире», что в противлении соблазнам фашизоидного образа мыслей Россия, пережившая «великие потрясения», может оказаться «слабым звеном». Но самым «слабым звеном» оказалась Украина.

Причиной тому история с географией. Необдуманное включение Галичины в состав УССР (в 1939-м) имело далеко идущие последствия. Населявший этот горный край «упрямый народец» (выражение Наполеона о черногорцах) не хотел мириться с чьим бы то ни было господством. Поднявшее восстание здешнее крестьянство организовалось в УПА (Украинскую повстанческую армию), движение, которое по духу своему напоминало тамбовскую антоновщину и могло бы даже вызвать некоторое сочувствие, если бы... Если бы не учиненные им зверские убийства евреев и поляков в невиданных доселе масштабах. И если бы оно не позволило оседлать себя другой организации, сравнительно малочисленной, но идеологически выдержанной — ОУН (Организация украинских националистов) Степана Бандеры. А вот это уже была организация последовательно фашистского типа. Ее ведущим идеологом стал Дмитрий Донцов (русский из Мариуполя, эмигрировавший еще до революции и умерший в Канаде), который перевел гитлеровский «Mein Kampf» на украинский язык и расценивал эту книгу как «руководство к действию» для украинских националистов. Киевский историк националистического направления И.Лисяк-Рудницкий пишет, что Донцов «всем своим авторитетом направил украинский национализм в фашистское русло».³

Сталинский каток раздавил партизанщину на Галичине, хоть и не без длительных усилий. Но корни остались и пошли в рост, едва только пал Советский Союз. Потомки лесных партизан не только утвердились на Галичине, но поставили целью завоевание остальной Украины. Они сами называют это движение *Drang nach Osten*,⁴ как бы указывая на его изначальные импульсы. Они вообще любят употреблять немецкие слова и выражения, в той мере, в какой им доступен немецкий язык, в пик распротранившимся американизмам (на память приходит тургеневский Базаров: «Вы мне по-французски, а я вам по-латыни»).

По-настоящему они обратили на себя внимание, по крайней мере, за пределами Украины, только осенью 2013-го, на втором Майдане. Но «нагибать» Украину в желаемом ими направлении они стали гораздо раньше. Год за годом они или те, кто стали их «попутчиками», подчиняли своему влиянию средства массовой информации, издательства, учебные заведения, средние и высшие; а в последнее время, как утверждают эксперты, установили контроль над СБУ и МВД с их вооруженными формированиями, проникли в нацгвардию и вооруженные силы.

Как тут не вспомнить о гоголевском Хоме Бруте, на которого села ведьма!

Либералы на Украине и вне ее говорят, что не следует-де преувеличивать угрозу фашизма в стране, указывая на тот факт, что на парламентских и президентских выборах «Правый сектор», «Свобода» (на время спрятавшая прежнее свое название «Национал-социалистическая партия») и другие партии фашизоидного типа собирают вместе меньше 10 процентов голосов. Но сами укрофашисты не придают этому факту серьезного значения, ибо ставят своей задачей сколотить небольшое, но крепкое меньшинство, которое будет «делать свое дело», кто бы что ни думал и кто бы что ни говорил. Такова их изначальная установка. Как пишут М.Зиньковский и Е.Герасименко в книге «Борьба продолжается», ставшей катехизисом украинского фашизма, «только отдельные волевые личности и/или небольшие группы единомышленников, борцов во все времена были и остаются катализаторами исторических процессов».⁵ И в этом утверждении есть определенный резон: в с м у т н ы е времена роль борцовско-активных элементов, сравнительно с остальным населением, резко возрастает. Книгу пронизывает уверенность, что укрофашистов ждет «триумф воли» (напомню, что так называется известный документальный фильм Лени Рифеншталь о каком-то там съезде нацистской партии). Для вящей убедительности это выражение приводится по-немецки: Triumph des Willens.

Они уже овладели улицей, что позволяет им терроризировать население. Так же поступали их предшественники, немецкие штурмовики. Один из «зюгов» фашизма состоит в том, что он позволяет хулиганствующей части молодежи «погулять», иначе говоря, реализовать свои агрессивные инстинкты, и только потом заключает ее, как и все остальное население, в ежовые рукавицы.

Вопреки Бардешу, ждавшему, что вот-вот объявит о себе некий «творческий» фашизм, нынешние укрофашисты слепо копируют «предварительный набросок». К гитлеровскому рейху они испытывают «влечение, род недуга». Если тот паразитировал на высокой немецкой культуре — достаточно назвать имена Вагнера, Ницше и Шопенгауэра (оставившего след в психологии фашиста своим представлением о мире как исполненном темной, слепой и губительной воли) — то укрофашисты просто воспроизводят «находки» предшественников, приправляя свои сайты в интернете руническими знаками, образами Вотана (один из сайтов, посещаемый, кстати, и в России, называется Wotanjugend), Вальгаллы и т.д. и т.п.

Укрофашисты решительно отмежевываются от добродушных, с острым юмором «хохлов» времен «Наталки-полтавки» и «Запорожца за Дунаем»; для них это люди с другой планеты. Даже националисты старой формации, вызревавшие «в тени украинских черешен» (Пушкин), вызывают у них отторжение: они-де слишком сентиментальны и со своей преданностью *неньке* Украине слишком провинциальны. Укрофашисты мыслят шире. Ставя свою (сделавшуюся довольно условной) «украинскость» во главу угла, они планируют свои действия «в европейском масштабе». Их не привлекает Европа «прав человека»; последние, по их мнению, суть *жидівські побрехеньки*. Как пишет один из их лидеров Игорь Гаркавенко, «подлинная Европа, Европа под знаком мужества и "свободы воли" сегодня возрождается в Украине. После будут все остальные!»⁶ Выходит, что не Украина должна тянуться к Европе, а наоборот, Европе следует равняться на Украину.

Еще один лидер укрофашистов, Андрей Белецкий (командир батальона «Азов», ведущий, наряду с Дмитрием Ярошем идеолог «Правого сектора») насмехается над «культурно-языковыми националистами» как людьми вчераш-

него дня. Белецкий поднимает знамя расы, уроненное в Берлине в 45-м. Дело национал-социалистов не погибло, *der Kampf geht weiter*: «историческая миссия нашего народа в это переломное столетие, — возглавить и повести за собой "белые" народы всего мира в последний крестовый поход за свое существование. Поход против навязываемой семитами недочеловечности (*недолюдства*, что можно перевести также как «изуверства». — Ю.К.)».⁷

Заявляя о своих амбициях, укрофашисты сталкиваются с нелегким для себя вопросом об отношениях с Россией, с русским народом, в недавние времена именовавшегося «братским». Это понятие, возникшее в рамках советской политики «дружбы народов», было некоторой натяжкой, коль скоро оно относилось к азиатским народам СССР (не исключая христианских Грузии и Армении) и, с другого края, к прибалтам. Хотя трудно отрицать, что эта политика приносила добрые плоды.⁸ Беда в том, что она оставалась сколь-нибудь действенной лишь в продолжение того, относительно короткого, по историческим меркам, периода, когда коммунистический Икар держался в воздухе.

Но в отношениях русских с украинцами, а также белорусами, концепция «братских народов» означала занижение их (отношений) прежнего статуса. Потому что до революции все три этническо-языковых образования считались единым народом; «украинцы» и «белорусы» были как бы «малыми определениями» в н у т р и «большого определения» — «русские» (с этим были не согласны лишь относительно немногочисленные тогда украинские националисты). В раннесоветский период многое было сделано, чтобы обособить украинцев, но в дальнейшем эта политика была смягчена. В то же время усиление миграционных потоков привело к еще большему смешению русских с украинцами. И сегодня, по некоторым подсчетам, в Москве, например, каждый пятый житель носит украинскую фамилию, на Урале — каждый четвертый, в Сибири — каждый третий. С другой стороны, множество украинцев (даже за вычетом Новороссии) носит русские фамилии. Данное обстоятельство работает на старую концепцию единого народа. Недаром пишет видный киевский публицист прорусского направления Игорь Беркут: «Украинское имперское сердце бьется в Москве, на Урале и в Сибири».⁹

Возвращаясь к укрофашистам, замечаем в этом плане некоторые разногласия между ними. У многих из них война обостряет чувство враждебности не только к Российскому государству, но и к русскому народу. Под эти чувства подводится расовая теория: *москали* с их «монгольскими черепами» должны уступить первенство украинцам как якобы чистым европеоидам. «Выдвигая идею украинской великодержавности, — пишут Зиньковский и Герасименко, — в будущем мы не должны допустить существования второй великой державы на наших границах и приложить максимум усилий для того, чтобы такой державы не было».¹⁰ Великая держава на границах Украины — само собой понятно, Россия.

Эта задиристость не лишена некоторого комизма. Каким образом Украина, среднего роста держава, могла бы одолеть великаншу Россию, представить невозможно. И если уж мериться черепами, нельзя не заметить, что среди украинцев, помимо изящных европеоидных, есть множество черепов по своему происхождению половецких, хазарских и разных иных.

Другие укрофашисты отдают себе отчет в нерасторжимой (до сих пор, по крайней мере) близости русских и украинцев. В появившемся в июне минувшего года заявлении организации «Белый молот», одного из трех соучредителей

«Правого сектора» (два других — «Тризуб» и «Патриот Украины»), сказано: «Нас натравливают на Россию, но наш реальный враг — действующая власть еврейских проамериканских олигархов и их ставленников, они куда хуже и в разы опаснее. Русские — наши братья, и мы принадлежим единому Славянскому племени!»¹¹ После этого заявления верхушка «Белого молота» была исключена из ПС: Ярош понимает, какую роль в передвижении фигур на шахматной доске Украины играет американская рука, раздражать которую до поры до времени не следует. Тем не менее, прорусские, назовем их так условно, умонастроения в среде укрофашистов остаются очень заметными. Уже цитировавшийся Гаркавенко пишет: «Для меня, как для русского и украинского националиста в одном лице, то, что началось в Киеве, имеет своим обязательным продолжением Россию. И думаю, так считает достаточная масса здесь... Ни одна революция, которая не имела революционных целей за пределами государства, в котором вспыхнула, — не победила».¹²

А вот это уже опасно. Потому что в России барьер неприятия фашизма молодыми поколениями до некоторой степени сломлен. Сила неофашизма в его критике современного общества. *Закавіка* в том, что зачастую она звучит на одной волне с христианским консерватизмом, не вполне еще у нас оформившимся, но имеющим некоторые шансы утвердиться в недалеком будущем. Оба направления выступают против одних и тех же «измов» — глобализма, мультикультурализма, неомарксизма, против разрушения семьи и разъятости общества на атомы, против упадочных явлений в искусстве, против нигилизма и пофигизма.

Но различия глубже сходств. Они вытекают из различия вер. Укрофашисты — или униаты, или откровенные язычники. Конечно, униаты тоже христиане, хоть и между двух стульев (католичеством и православием) сидящие, но униатство укрофашистов — «национализированное», а «национализированное» христианство — не христианство, оно ближе к языческому типу мироощущения. Зиньковский и Герасименко пишут, что украинский национал-социализм «осознает пользу от возрождения древних европейских языческих традиций и верований»,¹³ хотя и допускает «не иудаизированное христианство». Что это такое, остается загадкой. Христианство, как известно, вышло из иудаизма и отбросило его, как вторая ступень ракеты отбрасывает первую, но чтобы потом оно было вновь иудаизировано?! Разве что о кальвинизме можно так сказать, и то с большой натяжкой, но кальвинистов в Европе осталось мало и, конечно, не о них идет здесь речь. Чтобы заново иудаизировать христианство, пришлось бы изъять из него Христа; сможет ли оно в этом случае называться христианством?

Очевидно, укрофашисты следуют примеру Гитлера, считавшего христианство несовместимым с фашизмом, но из тактических соображений не подвергавшего его прямым гонениям, откладывая их на будущее. Слишком значительным оставалось еще тогда влияние христианства в Германии.

Христианской морали, представляющей собою сложную, «хорошо темперированную» гамму звучаний, фашизм противопоставляет моральный порядок самого элементарного, родо-племенного типа. Христианскому типу личности чужды как «либеральная» (изначальным либеральным проектом не предусмотренная) дряблость, так и каменная твердость, переходящая в бесчувственность. А языческий тип погружен в природу, в которой он ценит не мягкость ее, но звериную жестокость. Возможно, укрофашисты сами не подозревают, на что они способны, если, не дай Бог, придут к власти. Хотя Бандера на сей счет был откровенен: «Наша влада буде страшною».

Важнейшим в жизни человека является его представление о смерти.

Христианское обетование «жизни будущего века» формировало поколение за поколением, всю жизнь их освещая небесным светом. А фашист может строить свой Тысячелетний рейх (и тысяча минет, «как один день»), но персонально для него впереди маячит «Остров мертвых». Так называется знаменитая картина Арнольда Беклина (кто не видел ее, может легко найти в Интернете), существующая в пяти или шести вариантах — очевидно, тема преследовала автора. В художественном отношении картина удалась: от нее исходит, обволакивает зрителя жуть навсегда остановившейся жизни. Даже картины ада как-то веселее. Такое представление о смерти порождает отчаяние, которое легко может вылиться в агрессию. Недаром «Остров мертвых» был любимой картиной Гитлера, которая постоянно висела (в одном из вариантов) в его кабинете.¹⁴

И на сайтах укрофашистов можно видеть сумеречные образы, явившиеся из «Германии туманной» (низко стелющиеся темные тучи, какие-нибудь насупившиеся орлы, расправляющие крылья — навстречу битве и собственной гибели и т.п.), солнечной Украине вроде бы не показанные.

То ли весна, то ли предвесенье

«Шли дроздовцы твёрдым шагом...»

Марш дроздовцев

Лет десять назад Н.А.Нарочницкая так охарактеризовала восточную часть Новороссии, ту именно, где сейчас идут боевые действия: «Русскоязычные промышленные регионы Новороссии — самые атеизированные, обывательские и не способные сформулировать идейную альтернативу, которая стала бы в начале 90-х годов адекватным ответом на "галицийский вызов"».¹⁵ Вероятно, это была достаточно точная характеристика. Но подспудно в этих краях зрело сопротивление галицийскому «натиску на восток», ставившему целью, ни много ни мало, геноцид русских. Не в смысле физического убийства людей, а в буквальном смысле убийства рода. Главным орудием убийства стала школа, в котором русский язык вытеснялся украинским и, соответственно, изучение русской литературы вытеснялось изучением украинской литературы (самая яркая фигура которой — Шевченко, талантливый поэт масштаба нашего Никитина или Кольцова). Можно ли представить русского человека, не знающего наизусть ни одной строки Пушкина и Лермонтова, не знакомого с творчеством Тургенева, Толстого, и так далее, и так далее. Еще одно-два поколения, и русский стал бы в этих краях бытовым языком, которым бы говорили дома и на базаре, и не более того. А скорее всего, это был бы уже и не русский, а суржик.

Чтобы зажглась воля к борьбе за свою, как теперь принято говорить, идентичность, нужна была «точка возгорания». И она появилась очень вовремя.

13 апреля в Славянск вошел прибывший из Крыма отряд численностью шестьдесят человек во главе с полковником Игорем Стрелковым. У некоторых из них, начиная с командира, на рукаве красовался трехцветный шеврон, известными людьми опознанный как «дроздовский».¹⁶ Поэтому новоприбывших прозвали дроздовцами.

Приход добровольцев «расшевелил» местных, побудив их взять в руки оружие против укрофашистов. Мотивация их поведения была простая и

общепонятная: защита родного — дома, края, языка. Но в идеологизированном мире трудно обойтись без мотиваций более высокого порядка.

«Дроздовцы», как тому и следовало быть, явились под знаком Белого движения. Помощник Стрелкова Игорь Друзь так сформулировал их программу: «Мы за возврат к исторической России. Наша война — святая. Мы за Святую Русь, за православный тип государства, за религиозное, за социальное государство, против олигархов, либералов и фашистов».¹⁷ Примечательно, что главой Политуправления ДНР первоначально был назначен Игорь Иванов, занимающий пост председателя РОВС (Русского общевойскового союза — прямого наследника Русской армии Врангеля).

Стрелкову и его сподвижникам удалось организовать сопротивление на территории двух областей, Донецкой и Луганской. В чисто военном отношении оно было блестящим: относительно немногочисленные и поначалу плохо вооруженные ополченцы отразили натиск многократно превосходивших их сил украинской армии и батальонов укрофашистов. Сложнее обстояло дело с идейным обеспечением движения.

Для многих донетчан и еще большего числа луганчан Белая идея оказалась неприемлемой. Красная идея пустила в этих краях глубокие корни, которые по сию пору не выкорчеваны. А противостояние с укрофашистами вызвало к жизни дух Ненавистного врага 41-го года и, как это бывает при вызывании духов, в зеркале возник противоположный ему призрак Красного воина. В поддержку ему стали перепечатывать плакаты того времени, например, плакат Кукрыниксов с такой надписью:

Бьёмся мы здорово, колем отчаянно —
Внуки Суворова, дети Чапаева.

Кем-то было замечено, что Суворов вряд ли согласился бы признать Чапаева сыном. Ничем особенно не замечательного комдива сделали знаменитым написанная о нем книга и особенно фильм. Куда уместнее было бы вдохновляться образом Василия Чернецова, казачьего полковника, воевавшего за белых примерно в тех же местах, где сейчас идут бои.¹⁸ Вот тот был всем героям герой. Увы, о нем и книг не написано, и фильмов не снято.

Стрелкова уже в августе отозвали в Москву отчасти из политических соображений, отчасти из-за его принципиальной «белизны», вызвавшей недовольство, как уже было сказано, у многих донетчан и луганчан. Еще раньше был снят с должности Иванов. В «Комсомольской правде» появилась статья Израэля Шамира «Ошибка полковника Стрелкова», где сказано: «Красные победили белых, дорогой полковник, не по несчастливой случайности. Они честно победили в самой лучшей и дорогой избирательной кампании — в гражданской войне. Русский народ проголосовал винтовками и выбрал — красных».¹⁹ Нынешние красные считают уместным взять у белых только «православный элемент» — как «хорошее пополнение советскости».

Удивительно, до чего «втемяшилась» (вспомним Некрасова) в головы ложь, прописанная в советских учебниках истории. Уж теперь-то хорошо известно, что народ в подавляющей своей части не «голосовал» ни за ту, ни за другую сторону, а просто ждал, чем окончится гражданская война. А в том, что красные своей победой обязаны целому ряду случайностей, признавался сам председатель Реввоенсовета республики, уж ему-то это было известно лучше, чем кому-либо еще. И не было здесь противостояния «русской аристократии и тяглового

земства» (как пишет сегодня публицист Дмитрий Куницкий). Из трех генералов, поднявших знамя Белого движения, Л.Г.Корнилова, М.В.Алексеева и А.И.Деникина, ни один не мог похвалиться «голубой» кровью: первый был казак, два других — внуки крепостных крестьян. А из трех тысяч участников Ледяного похода, положившего начало Белому движению, только каждый пятый был потомственным дворянином.

И пора начать разбираться с тем, что представляла собой Белая идея. В политическом плане белые выдвинули принцип непредрешенчества: надо сначала прогнать большевиков, а после народ должен сам решить свою судьбу путем созыва Учредительного собрания. Это принцип безупречный, но, как не раз было замечено, умалчивающий о том, чего хотели сами белые. Между тем, ведущие идеологи Белого движения И.А.Ильин и П.Б.Струве ясно указывали, что основные цели Белого движения предшествуют социально-политическим вопросам: это восстановление Духовной вертикали и исторической преемственности. Притом преемственности выборочной: отбрасывающей все, что следует считать дискредитированным (что именно — должно быть предметом обсуждения), и сохраняющей и развивающей все ценное — включая подлинные достижения либерализма. Оба философа, в ряду русских философов выделившихся своим (затребованным временем) волюнтаризмом, делали акцент на воспитании воли, личностной и коллективной, питающей «героизм, ясный и прямой» (Струве). При том Ильин относил волю к числу «вторичных сил русской культуры», выводимых из ее первичных сил — из сердца, из созерцания, из свободы и совести.

И, наконец, пора различать в советской истории красных и их наследников, которые только называли себя красными. Очень не хочется воздавать хвалу тов. Сталину за что бы то ни было, но нельзя не отдать ему должное: это он сокрушил большевизм, это при нем Красная идея была разбита на мелкие осколки, бережно сохранявшиеся до конца советской власти. И все реальные достижения советского периода, включая сюда техно-экономические преобразования, распространение культуры «вширь» и, конечно, победу в Великой войне (которая, впрочем, не может заслонить катастрофические поражения начального ее этапа) следует отнести на счет сталинского реставраторства, пусть и частичного, и топорного. Советский режим при Сталине и после него — это хамелеон наоборот: он меняет свою сущность, оставляя неизменной окраску, дабы убедить всех и самого себя, что он по-прежнему красный.

В головах «советских людей» царил путаница, которую невозможно воспроизвести, и нелепо к этому стремиться.

Как бы то ни было, мнение, что «Стрелков — благородный белогвардеец, но Новороссия — это Красный проект», насколько я могу судить, явно преобладает в Луганске и разделяется многими в Донецке. Для полноты картины замечу, что кроме «белых» и кроме «красных» сталинистов, в обеих республиках есть еще и коммунисты ленинско-троцкистского пошиба, и анархисты, и даже увлеченные читатели «Mein Kampf» (да, да, и они тоже!), «зигующие» при встрече. Der Nebel des Krieges, «туман войны» (выражение знаменитого Клаузевица) дополняется и осложняется идеологическим туманом.

Надежды на то, что Новороссия в ее нынешнем, «сжатом», включающем две области, виде делается своего рода стартовой площадкой, отталкиваясь от которой «русский мир» рванет вперед, что именно здесь пробудится «русская весна», которая с хохотом прогонит зиму (воспользуюсь образом поэта), вряд ли имеют основания.²⁰ Скорее события в Новороссии могут стать катализатором

духовных процессов, которые идут в России. Это в Москве возрождается православный консерватизм, по многим признакам близкий Белой идее (хотя об этом обычно не говорят открыто), а Ильин становится едва ли не официальным идеологом Кремля. К сожалению, усвоение такого рода консерватизма остается пока поверхностным и в то же время верхушечным, слабо затрагивающим реальную культуру в различных ее проявлениях. Строка, написанная Константином Случевским более ста лет назад, гораздо актуальнее звучит сегодня, чем в его время:

Есть нефть, но нет жрецов огней.

(Нефть тогда добывалась почти исключительно на Апшеронском полуострове, древнем пристанище огнепоклонников, но, конечно, о «жрецах огней» поэт говорит в фигуральном смысле.) Сегодня не хватает «жрецов огней», способных зажечь умы и сердца стремлением к подлинному обновлению жизни. Но слава Богу за то, что появились хотя бы отдельные «точки возгорания».

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Борьба продолжается (нем.).

² Bardeche M. Fascismo 70. Sparta e I Sudisti. «Edizione del Borghese». Roma. 1970, p. 83.

³ Ruspravda.info/Pochemu-Zapad-vdrug-razglyadel-na-Ukraine-fashistov-7695.html

⁴ Натиск на восток (нем.).

⁵ Зиньковский М., Герасименко Е. Борьба продолжается. Национал-социализм как он есть. Харьков. ЧП «Див», 2008. С. 10.

⁶ <http://wotanjugend.info/articles/2014/08/rus-kak-metafizicheskiy-proekt-dlya-ukrainyi/>

⁷ marochkina.wordpress.com/2010/03/22/analiz-ultrapravyyh/

⁸ По опыту службы в армии (1954—1957, задолго до появления «дедовщины») свидетельствую: в отношениях между «срочниками» разных национальностей преобладало дружелюбие или, по меньшей мере, терпимость.

⁹ vu.ua/article/Igor_Bercut/web_chats/76.html

¹⁰ Зиньковский М., Герасименко Е. Указ. соч., с. 134.

¹¹ avrsiya.info/xerberler/743-obraschenie-boysov-belogo-molota-pravogo-sektora-I-chasti-sotnikov-samooborony.html

¹² <http://wotanjugend.info/news/2014/10/intervyu-igorya-garkavenko-revoljutsiya-nachataya-v-kieve-prodolzhitsya-v-rossii>

¹³ Зиньковский М., Герасименко Е. Указ. соч., с. 139.

¹⁴ Между прочим, сохранилась фотография, на которой Гитлер снялся в своем кабинете с Молотовым как раз на фоне «Острова мертвых». Это вышло, наверное, случайно, но вышло символично: встретились носители двух глубоко различных идеологий, которым (идеологиям) суждено было сойтись в одной роковой точке. Гость из СССР «представлял» идеологию, исполненную земного оптимизма, который подкреплялся еще сохранявшимся в русском народе крестьянским эпическим спокойствием перед круговоротом рождений и смертей.

¹⁵ www.pravoslavie.ru/analit/5147.htm

¹⁶ Дроздовский полк (по имени полковника, впоследствии генерала М.Дроздовского) — один из четырех офицерских полков Белой армии (у каждого из которых была своя особая форма). Летом 1920-го в ходе последнего наступления, предпринятого белыми из Крыма, дроздовцы, развернутые в дивизию, воевали как раз на территории нынешних Донецкой и Луганской республик. А мелодия Марша дроздовцев была хорошо знакома в СССР, будучи положенной на новый текст: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...»

¹⁷ /2014_01/140902antonov_glavnaja_oshibka_liderov_novorossii.pdf

¹⁸ «Сейчас», то есть в момент, когда пишутся эти строки, на календаре конец января.

¹⁹ Nyka-huldra.livejournal.com/7096087.html

²⁰ Их, наверное, было бы больше, если бы Новороссия возродилась в своих исторических границах, включающих такие культурные центры, как Харьков и Одесса.

Александр Тарасов

Одесса: обнять и заплакать

Многих удивляют — особенно после трагедии 2 мая — покорность и апатия Одессы, так контрастирующие с восставшим Донбассом. В соцсетях буквально тысячи пользователей успели написать «Одесса слилась», «Одесса сдалась», «Одесса скурвилась». Одесситы — противники киевской власти на это реагируют болезненно, но толком ничего объяснить не могут. Действительно, ведь речь идет о том самом городе, который уже 23 февраля ответил на переворот в Киеве десятитысячной стихийной демонстрацией протеста (в Донецке в тот день на митинг пришло не более 3 тысяч, а в Луганске — и вовсе не более 500 человек, причем митингующих обстреляли, трое были ранены), а 23 марта собрал тридцатитысячный антиправительственный и антифашистский марш и митинг, чем может похвастаться, кроме Одессы, один только Севастополь. И вдруг — после 2 мая — все кончилось. Антиправительственная активность упала до уровня Харькова, если не ниже. Где же эти тридцать тысяч?

Сетевые «стратеги», которые только сейчас заинтересовались политикой, пишут: не может 2 мая так запугать миллионный город. Наоборот, дескать, трагедия в Доме профсоюзов должна вызвать гнев и желание мстить. Почему, дескать, нет одесских «народных мстителей», одесской «Молодой гвардии», одесской РАФ?

Во-первых, конечно, может. И именно в Одессе. Хоть из города и уехало огромное количество евреев, Одесса по-прежнему считает себя «очень еврейской» — и именно Всесожжение (Шоа, Холокост) должно было произвести на одесситов особенно травмирующее и парализующее впечатление. Во-вторых, Одесса действительно не Донбасс.

Я побывал еще в той, допереворотной Одессе — и использовал поездку для социолого-политологических наблюдений. Даже хотел написать об этом статью и назвать ее «Город, медленно добиваемый капитализмом». Не написал, так как не понимал, кому это может быть интересно и для чего нужно. Вот теперь, когда «старой мирной» Одессы больше нет, я понял, для чего эти наблюдения нужны.

Одесситам присущ экзальтированный (и показной) городской патриотизм. Они настойчиво пытаются всем доказать, что Одесса — уникальный, чудесный, выдающийся (в том числе по своему духу) город, родина огромного числа великих писателей, музыкантов, артистов, беней криков и анекдотов. «Жемчужина у моря», «город каштанов и куплетистов», «и Молдаванка, и Пересыпь», «все равно в Одессе будет тесно», «в цветущих акациях город»...

Все это в прошлом. Одесса перестала быть «культурной столицей» и уникальным городом. Никакая «Юморина» тут не поможет, тем более что выглядит эта «Юморина» — как и вся Одесса — удручающе провинциально. За

двадцать три года «незалежности» город превратился в заштатный облцентр — заброшенный, на глазах деградирующий, но пытающийся пыжиться.

Пылкие патриоты Одессы допустили ситуацию, когда город даже внешне дошел до неприличной запущенности. Таких разбитых в хлам тротуаров (понятно, не на Дерибасовской и вообще не в «туристической» зоне в центре, а во *всем остальном* городе) я не видел и в российских облцентрах в 90-е. Непонятно, как по этим тротуарам перемещаются старушки, инвалиды и мамы с колясками. Зато автодороги содержатся в очень хорошем состоянии. Сразу видно, кто, с точки зрения властей, люди первого сорта, а кто — второго. В городе — огромное количество десятилетиями не ремонтировавшихся медленно разрушающихся домов. Зайдите в такой типичный дворик — и у вас возникнет полная иллюзия, что вы попали если не в дореволюционную, то в послевоенную Одессу. Местное телевидение, пока я был в городе, без конца давало сюжеты о заполненных нечистотами подвалах, обваливающихся лестничных маршах, протекающих крышах и т.п. Один сюжет был по-своему примечательный. Съёмочная группа поднялась с жильцами на чердак, чтобы показать вот такую дырявую крышу, и жильцы при этом рассказывали, что эта крыша по документам, оказывается, отремонтирована еще пять лет назад, поэтому убедить городские власти в необходимости ремонта невозможно. На самом деле, конечно, деньги на ремонт украли. И вдруг в углу чердака пришедшие обнаружили здоровую кучу рулонов рубероида. То есть все не так плохо! Пять лет назад украли, оказывается, не все деньги! Украли только те, что были отпущены непосредственно на ремонтные работы, а сам материал, оказывается, честно закупили! Жильцы были несказанно удивлены. Они думали о городских властях хуже.

Пока я был в городе, то там то сям без конца происходили экстренные отключения электричества. Энергетики утверждали, что дело в перегрузках: понаставили, мол, кондиционеров (тогда слово «кондиционер» еще не было синонимом разрушительного оружия). Одесситы в ответ утверждали, что дело в обветшалых электросетях, которые никто лет по двадцать не обновлял...

Самое печальное, что горожане к этому привыкли и запущенность Одессы *не замечают*. И только когда им на это указываешь, они словно просыпаются и соглашаются с тобой. Но часто добавляют: «Это вы еще не видели, что было при Жабе!» «Жабой» в городе зовут Эдуарда Гурвица, который был мэром Одессы в 1994–1998 и 2004–2010 годах. Герой многих криминальных скандалов, человек, по которому плачет тюрьма, расхититель и приватизатор и, конечно, украинский националист (сейчас — «ударовец»), Жаба прекрасно себя чувствует и сегодня, пытался недавно стать мэром и считается одним из организаторов «Одесской Хатыни» 2 мая — в этом его публично обвинил даже один из ближайших соратников. Из постоянных отсылок к «Жабе», кстати, следует, что при Януковиче тут воровали меньше, чем при националистах.

Поразительна запыленность города. То, что Одесса — пыльная и в ней проблемы с водой, это еще из Пушкина известно. Для расположенного в причерноморской степи и незамощенного города это было естественно. И так длилось вплоть до революции, почему все сколько-то богатые одесситы на лето из города сбегали. Совсем не левая (кадетская) газета «Одесский листок» в начале XX века публиковала такие вирши:

Крез на даче ароматной
Забывает пыли гнёт,
А бедняк весь день, понятно,
Пыль глотает, пыль клянёт...

Советская власть — отдадим ей должное — улицы заасфальтировала, город обильно засадила зеленью, проблему с водой решила. Но чтобы ситуация не ухудшалась, не должно быть уплотнительной (тем более многоэтажной) застройки, старые зеленые насаждения, убиваемые автомобильными выхлопами, надо заменять новыми, улицы надо чистить, подметать и поливать. Первый пункт в условиях власти денег неосуществим, второй и третий требуют наполненного городского бюджета, что для «незалежной» — проблема. Сами одесситы (особенно молодые), похоже, уже не замечают, что город запылен, из всех, с кем я разговаривал, другой — непыльной — Одессу помнит один-единственный дедушка-болгарин, коренной одессит 1928 года рождения. Он говорит, что проблема с пылью была решена в 60-е и все было более или менее нормально следующие лет двадцать пять.

Дырявый городской (и областной) бюджет — это результат экономической катастрофы 90-х, от которой более всего пострадала промышленность (по промышленному спаду Украина тогда обогнала даже Россию). Конечно, промышленность обвалилась по всей стране, включая Донбасс. Но в Донбассе было столько предприятий, что сколько бы шахт и заводов ни обанкротили и ни закрыли, оставалось еще очень и очень много. А Одесса всегда была торговым, портовым и курортным городом. Ее промышленный потенциал был куда меньше и, кстати, куда меньшим престижем пользовалась работа в промышленности. У меня сложилось впечатление, что город в последние годы спасали Одесский порт, предприятия нефтехимии (в первую очередь НПЗ и Припортовый завод), предприятия пищевой промышленности и обслуживающие их (оборудование для пищевого прома, ремонт, тара) плюс курортный сезон. В советский период Одесса была очень крупным машиностроительным центром. Машиностроение уцелело, но это — более чем бледная тень прошлого.

Меньше доходов — меньше налогов. Удивительная фискальная система, созданная на Украине, когда все налоги уходят в Киев, а Киев потом по своему усмотрению часть денег возвращает на места под именем «дотаций», заведомо обрекала и обрекает Одессу на роль заурядного провинциального города — без всяких шансов на возрождение. Деградация промышленности повлекла за собой культурную деградацию: сокращенному, раздробленному, занятому *выживанием* производству не нужна научная база (всякие там НИИ) и большое количество специально подготовленных кадров. Университеты переориентировались на выпуск «менеджеров», то есть *никого ни для чего*. Люди, получившие хорошее высшее техническое образование (а то и два), переквалифицировались во владельцев всяких кафешек, для которых это образование явно избыточно (а для официантов и кассиров избыточно любое образование выше семи классов школы).

За счет чего, кстати, выживают эти кафешки, понатыканные иногда через дом, я не понимаю: даже в сезон не видел переполненных, *всегда* полно свободных мест, даже вечером. Зачастую кафе вообще пустуют. В несезон, видимо, должны пустовать тотально. Похоже, больше половины этого бизнеса существует для отмывания денег.

Кроме кафе, Одесса поражает переизбытком аптек, банков, маникюрных салонов и мелких, говоря московским языком, риэлторских контор (в Одессе эти конторы важно именуется «агентствами недвижимости»). В отличие от Москвы, в этих конторах принято вешать объявления прямо в витрине (или на специальном стенде рядом). И все витрины забиты объявлениями «продам квартиру». Ни разу я не видел слова «куплю». Что тоже свидетельствует об упадке города: народ из Одессы разбегается. Вообще, складывается впечатление, что люди в этом городе рождаются для того, чтобы получить образование, продать квартиру, положить вырученные деньги в банк, затариться лекарствами, сделать маникюр — и слинять из Одессы. Моя квартирная хозяйка рассказала: из всей ее параллели в школе (три выпускных класса) в Одессе осталось *четыре* человека! Остальные разъехались по миру — от Харькова, Киева и Москвы и до Нью-Йорка, Иерусалима и Сингапура.

Такого позорища, как городской парк им. Шевченко в Одессе, я с 90-х годов нигде не видел. Высохшие фонтаны, чахлая трава, искалеченные памятники, какие-то облезлые заборы и ворота (как потом выяснилось, ведущие на детскую площадку), совершенно безобразного вида руины, заросшие кустарником (просто Чернобыль!)... При попытке узнать у стариков-одесситов, что это за руины, выяснилось, что руин там масса: Зеленый театр, построенный в 30-е годы, плескательница, шахматный павильон, эстрадная площадка «Ракушка», да еще развалины Карантинной стены и некогда элитного роддома № 6... А ведь это — центр города! Центрее некуда: с одной стороны — знаменитая Греческая, с другой — еще более знаменитый Ланжерон. Посмотрев на этот позор, я понял, что типичному одесситу, как бы сильно он ни бил себя в грудь и ни кричал о любви к городу, на все, что не приносит дохода, в Одессе плевать. И вот тут очень хорошо видно отличие Одессы от Донбасса. Донецкая агломерация возникла в такой же безводной степи, да еще и усугубленной терриконами, курящимися серой и прочими полезными химическими веществами. Озеленять и благоустраивать местность начали только с 1926 года. Без канала Северский Донец — Донбасс в этой агломерации просто невозможно было бы жить, моря под боком, как в Одессе, нет. Но терриконы методически засаживали лесом, а новые насыпали уже с учетом природоохранных требований. Городские скверы, парки и вообще насаждения даже в 90-е поддерживались в очень приличном состоянии. Тот самый «страшный» Ахметов, которого сегодня в чем только не обвиняют, знал, что без зелени в Донбассе не выжить, — и выделял на озеленение деньги. И в июле, и в августе в Донбассе с каким-то даже вызовом — уже под обстрелами и бомбежками — работали коммунальщики-озеленители. В отличие от одесситов, донбассцы *гордились* своими парками и скверами и работу в них не считали зазорной, пусть она и не приносила барыш.

А ведь форменных развалин в Одессе и без этого парка полно. Даже я, приезжий, видел развалины на Молдаванке, натуральные руины заводских корпусов на Котовского, развалины больницы на Пастера. Но самое сильное впечатление — и как признак деградации города, и как свидетельство социального расслоения — на меня произвели трущобы на улице Куйбышева. Представьте себе: знаменитый Привоз, напротив которого сооружена целая линия шикарных домов в стиле постмодернистского маразма, с бутиками и прочим роскошеством на первых этажах, а в тылу этого великолепия (*буквально* в тылу, с задней стороны этих домов) — небольшая улочка Куйбышева (она, конечно, переименована в Старорезничную, но таблички с надписью «Куйбышева»

висят!), на которой — куча каких-то старьевщиков, собирателей бутылок, комиссионков и т.п. И главное — дома. Настоящие разваливающиеся трущобы — как в кино про страны «третьего мира» или о капитализме первой половины XIX века. В грязных жуткого вида двориках, с серой от пыли чахлой зеленью среди грязных собак под разбитыми окнами копошатся маленькие грязные дети, играют — обсыпают друг друга этой серой пылью! Я думал, тут расселенные дома и живут бомжи. Я был не прав. Это — «нормальное» жилье, известное как «Климовский квартал», где из поколения в поколение живут коренные одесситы. В мае 2013-го один из этих домов частично обрушился, два человека попали в больницу (крушение произошло в середине рабочего дня, иначе пострадавших было бы больше). Многие пострадавшие до сих пор маются без жилья. В октябре прошлого года обвалилась другая часть того же дома. Кстати, выяснилось, что после майского обрушения люди там два месяца жили без электроэнергии. После чего одесситы заинтересовались, а сколько у них в городе вообще таких аварийных домов. Оказалось, *сотни*. С 2011 года жильцов тех домов, что официально признаны аварийными, в Одессе освобождают от квартплаты. В 2014 году таких жильцов оказалось четырнадцать тысяч, а число домов, признанных аварийными, дошло до 980 (почти тысяча!) и продолжает расти.

И это кричащее неравенство и социальное расслоение — трущобы рядом с шикарными новостройками для нуворишей — можно увидеть не только около Привоза. По всему побережью — так близко к морю, как только позволено — вырастают дико безвкусные, уродливые, но «модные» высотки, за забором и с частной охраной. А рядом — здания начала XX века. Например, на ул. Веры Инбер это очень эффектно смотрится. Правда, старенькие домики выглядят как-то по-человечески, мило и уютно, а новые «шикарные дома», такое ощущение, что построены специально для биороботов и садомазохистов. Но, видимо, они как раз отвечают вкусам «новых украинцев». На Фонтанах, кстати, то же самое: плохонькие частные дома соседствуют с новопостроенными безвкусными поместьями и гостиницами. Правда, на новостройках я видел плакаты «срочно продам», а «шикарные» многоэтажки явно были не заселены и наполовину. На 16-й станции Большого Фонтана прямо внутри трамвайного кольца высится огромная заброшенная стройка. Не знаю, может, к настоящему моменту дом достроили, но сомневаюсь. Кризис-то углубился.

Еще один признак упадка и обнищания города — барахолки. В Одессе по меньшей мере три барахолки — у Северного рынка, у Южного и у Староконного. У Староконного — самая большая. По одну сторону рынка — то, что в Москве называется «Птичка», Птичий рынок. Торгуют там разными животными, в том числе явно криминально добытыми (мне предлагали двух совят разных видов, одного, кажется, «краснокнижного»), а с трех других сторон — на *кварталы* (!) вдоль Мастерской, Раскидайловой, Ленинградской, Ризовской — огромнейшая барахолка, где торгуют (вернее, пытаются торговать) всяким старьем: одеждой и обувью, мебелью, книгами, посудой (в том числе совсем жуткой, выщербленными чашками без ручек и т.п.), открытками и конвертами, значками, пуговицами, игрушками, орденами и мундирами, флагами, проводами и розетками... Несчастного вида бабушки и дедушки, алкогольной внешности старьевщики (в Одессе их зовут «тряпичниками») пытаются продать вещи, которые явно никому не нужны и которые в здравом уме никто не купит. Например, старые шариковые ручки. Непарные туфли. Ржавые плоскогубцы. Сломанные часы. Я видел водолазный костюм 40–50-х годов, который может потребоваться разве что

музею (но в профильном музее такой наверняка есть). Видел перочистку (господи, кому может быть нужна перочистка и какой процент населения вообще помнит, что это такое?!). Только полное безденежье может заставить людей стоять долгими часами (иногда на жаре, иногда под дождем или снегом) и пытаться продать за сущие копейки эти обломки ушедшего быта. Самое неприятное: множество одесситов *не понимает*, что эта грандиозная барахолка — свидетельство того, какое количество горожан живет в бедности и нищете; эти одесситы барахолкой *гордятся*: дескать, смотрите, какая у нас барахолка, сколько там всего!

В Донецке — тоже городе-миллионнике — до нынешней гражданской войны, как и в Одессе, было три барахолки: у Дворца спорта «Шахтер», у Привокзального рынка и у радиорынка. Но даже все три, вместе взятые, они по размерам и в подметки не годились барахолке на Староконном. И главное, они были даже не барахолками, а типичными для Европы «блошиными рынками»: тут продавали в основном то, что называется антиквариатом и винтажем. Скорее это были «клубы по интересам», где перед каждым продавцом толпились собственные приятели-покупатели: у букинистов — свои, у филателистов — свои, у нумизматов — свои, у ценителей винила — свои. И это не потому, что Донецк был богаче Одессы. Наоборот, экономическая катастрофа 90-х здесь была круче. И 90-ми не кончилось. В 2000-х на предприятиях одного только Ахметова сократили свыше тридцати пяти тысяч мест. Дело в другой, «совковой» ментальности: в Донецке торговали, но не гордились этим, как в Одессе, и барахолки были не столько отчаянным способом выжить, как толкучки во времена гитлеровской оккупации, сколько стихийным инструментом психотерапии...

Еще одно свидетельство обнищания и упадка Одессы — огромное количество комиссионков и секонд-хендов. Буквально в шаговой доступности, где бы ты ни жил — как минимум пара секонд-хендов. И там всегда есть народ. В дорогих магазинах в центре тоже есть народ. Но меньше и другой.

Впечатляют, кстати, одесские «новые украинцы». В России таких нет уже лет десять-пятнадцать (разве что в глубинке): либо перестреляли друг друга, либо пообтесались. Каких персонажей я там наблюдал, с какими татуировками, с какими «голдами», с какими «гимнастами»! Ведут себя соответственно — демонстрируют, как полагается «быкам», презрение к окружающим. Рассказали мне, что на Фонтанах перед одним маленьким кафе есть самодельный памятник Карлсону. Съездил посмотреть, нашел, сфотографировал. Внезапно откуда-то вылетел типичной внешности жлоб и с характерным западенским произношением стал кричать, чтобы убирались, потому что тут частная собственность, и фотографировать нельзя, потому что частная собственность. О том, что мультипликационный Карлсон — тоже в некотором роде частная собственность (на него есть авторские права у создателей мультфильма), этот жлоб, конечно, не задумывался.

Между тем вот эти «понаехавшие» — такой же важный фактор культурной деградации Одессы, как и деиндустриализация с коммерциализацией. Массовое закрытие предприятий стало одной из причин массовой же эмиграции одесских евреев и греков. Еврейской и Греческой улицам вернули их старые, досоветские названия, вот только самих евреев и греков почти не осталось. Даже греческий музей «Филики Этерия» существует на средства дефолтной Греции (афинского Фонда культуры), без которых он давно бы загнулся. Уже упоминавшийся

дедушка-болгарин жаловался, что раньше в Одессе никто не принимал его за еврея или грека (легко отличали), а теперь это происходит постоянно — особенно с «понаехавшими с Винницы». Эмигрировавшие одесситы два десятилетия потихоньку замещались переселенцами — частью из других городов и сел Одесской области, а частью из соседней Винницкой. Этим винницких селян коренные одесситы очень не любят, зовут, разумеется, *рогулями* (именно в Одессе я впервые услышал это слово) и потешаются над их попытками выглядеть потомственными местными жителями: одеваться якобы по-городскому, говорить, как им кажется, по-русски с примесью одесских жаргонизмов, корчить из себя «патриотов города» и т.п. Это действительно смешно: приезжих выдают отсутствие вкуса и бескультурье, незнание города, наконец, акцент. Коренные одесситы говорят хорошим и правильным русским языком, с произношением, отличным от московского или питерского, но не южнорусским, они «акают», а не «гакают», говорят не «Одэса», а «Адеса». Когда на каком-то митинге одесского Майдана появился плакат «Вова, Одесса тебе не мама. Гэть!!! Бекицер домой!!!», одесские блогеры разразились издевательскими комментариями, что ни один настоящий одессит не напишет «гэть» и «бекицер». Действительно, *настоящий* одессит напишет «бекицер». Старики, с которыми довелось поговорить, все дружно последними словами крыли фильм «Ликвидация» с его псевдоодесским языком: как они говорили, это — шаржированный язык одесских еврейских анекдотов, а не язык советской Одессы.

Вообще, в городе оказалось можно говорить только со стариками, букинистами и тряпичниками: все они (даже пьяненькие тряпичники) были неизменно вежливы, благожелательны и готовы ответить на любые вопросы, все рассказать и, главное, знали город. И единственные радовали знаменитым одесским юмором. И все при этом вполне аргументированно объясняли, насколько губительным оказался для Одессы капитализм. Букинисты, собирающиеся на Куликовом поле недалеко от трамвайного круга, рассказали, что когда-то у них было в Одессе «Общество книголюбов», но при капитализме оно пало жертвой классового расслоения — и одни любители книг или уехали, или пребывают в таком вот жалком виде с этой стороны Куликова поля, ближе к Итальянскому бульвару, а другие, кто сделал из продажи книг бизнес, теперь владеют красивыми книжными рядами на Александровском проспекте (букинисты из принципа именовали его «проспектом Мира»). Побывал я в этих рядах (одесситы называют их «Книжкой») — и ничего не купил. Покупать там было нечего: это были не букинистические ряды, там были книги, изданные в последние годы в Москве и Петербурге, таких и в московских магазинах полно. И разговаривать с продавцами было не о чем. И выглядели они соответственно: купчиками, которым все равно, чем торговать — книгами или презервативами...

Только торжествующая победа местного торгашеско-гешефтмахерского жлобья в симбиозе с жлобьем винницко-рогульим могла породить в Одессе такое воплощение пошлости, как бульвар Жванецкого. И сам-то по себе Комсомольский бульвар, срочно переименованный в «незалежной» в бульвар Искусств, не шедевр. Но надо было его окончательно испохабить, назвав — при жизни, а еще ругаются на Сталина! — именем сомнительного юмориста и «украсив» табличками с разными пошлыми высказываниями Жванецкого, вроде «Одно неловкое движение и вы отец» (орфографию и пунктуацию сохраняю, так — с двумя ошибками — табличка и висит). А начало бульвара изуродовать довольно-таки безвкусным памятником Апельсину, постмодернистски эклек-

тичным и более всего напоминающим воплощение в бронзе иллюстраций Кирилла Соколова в книжной серии «Пламенные революционеры»... Одесситы обозвали это убожество «памятником Взятке» (он действительно увековечивает взятку апельсинами императору Павлу I), но единственное, чего смогли добиться, — это чтобы его перенесли на бульвар от Археологического музея, где памятник торчал как натуральное глумление над изящным классицистским зданием и к тому же напрочь убивал соседнюю мраморную копию Лаокоона.

Изменение в составе населения города сказалось на всех областях жизни и культуры Одессы. Скажем, на театре. Примитивизация публики заставила примитивизировать и опошлить репертуар, а заодно и отняла стимулы к хорошей игре: зачем стараться, если разбогатевшие «селюки» нюансов не видят и с радостью принимают любое исполнение, да еще и реагируют даже на хрестоматийные вещи так, словно не учились в средней школе. Да и театров в Одессе для миллионного города недопустимо мало: три-четыре. Но когда «при Жабе» именно так публично сказал Иосиф Райхельгауз (который — как коренной одессит — готов был даже для исправления ситуации взять какой-нибудь из театров на себя), его заклеили как «очернителя». В Одессе, дескать, двадцать театров. Да, это правда. Но в основном это *очень странные театры*. Например, Первый театр мыльных пузырей (первый, понимаете, первый! скажите это испанцу Пепу Боу!). Или Одесский театр рок-оперы им. Е.Лапейко. Я, как человек, не чуждый советскому року, просто впал в ступор: это кто же такой был Е.Лапейко, что его именем назвали целый рок-театр?! Оказалось, не был, а есть. Оказалось, это местный якобы рок-композитор, сочинитель якобы рок-опер. А еще, рассказали мне, он играл в совершенно вторичной местной группе «Провинция», сочинил убогий (и не без плагиата) гимн «Юморины» и остался у некоторых в памяти как автор адресованной невротизированным подросткам песни «Преждевременное семяизвержение». За все это его именем в Одессе при жизни назвали целый рок-театр. Эндрю Ллойд Уэббер плачет от зависти.

Одесситы по старинке хвастаются своими тридцатью музеями. Но поскольку сами там были последний раз на экскурсии в школе, не рассказывают ни об их состоянии, ни о числе посетителей. Хотя, говорят, «при Жабе» было куда хуже: в местной прессе публиковались отчаянные статьи с заголовками вроде «Одесские музеи. Хранители прошлого стесняются смотреть в будущее» или «Одесские музеи опасны для жизни». При «ворюге» Януковиче что-то подлатали. Хотя вот, например, в знаменитом Музее западного и восточного искусства мне практически ничего увидеть не удалось: подавляющее большинство залов было на ремонте. Ремонт этот, кстати, тянется с 2006 года и прославлен тем, что в ходе его из музея умыкнули и вывезли в Германию полотно Караваджо «Поцелуй Иуды». В общем, есть чем гордиться. А вот в Литературном музее стало очевидно, что есть и другие проблемы: идеологические. Работникам явно спустили сверху «указивку» выставить Одессу родиной украинского национального движения и затушевать революционное прошлое города. Понятно, что сделать так — загубить экспозицию. Отдам должное сотрудникам: они прямо-таки с героической изобретательностью и требования начальства выполнили, и врать не стали, музей не опозорили.

Глубокую провинциальность нынешней Одессы выдает и микроскопическое для миллионника число галерей и выставочных залов. Нет, там бывают выставки (как и положено) «актуального искусства» — и их даже настойчиво

рекламирует местное телевидение. Но я, именно посмотрев эту рекламу, понял, что не пойду туда, даже если заплатят. С донецкой «Art Point» это, конечно, и сравнить нельзя — и не потому, что одесситы такие умные и ученые, что понимают, что «актуальное искусство» — это шарлатанство, а потому, что они стали безнадежно провинциальны. Впрочем, чему же удивляться, если главным «современным художником» в городе считается Александр Ройтбурд, в стилистическом отношении вторичный, а в смысловом — пошло-похабный.

Одесса и в советские времена была мастером самопиара. В постсоветские это стало просто главным занятием и основой выживания. А вот многие ли знают, что в «гопническом» Донбассе — пятьдесят театров? Из которых больше половины — народные, любительские (вот вам и «алкаши» и «ватники»!). И около сорока театров (то ли тридцать восемь, то ли сорок два) — в основном тоже народных — погибло за годы «незалежности». Многие ли знают, что в Донецке регулярно проходят театральные фестивали «Звезды мирового балета», «Театральный Донбасс» и «Золотой ключик»? Что в Донбассе чуть ли не двести музеев? То есть, конечно, столько театров и музеев было до того, как украинская армия отправилась «европеизировать» донбасских «совков»...

Центральный Донбасс — это огромная агломерация, промышленные города, перетекающие друг в друга, с общим населением в несколько миллионов человек. А вот одесская недоагломерация тянется только до Черноморского, Дачного и Ильичевска. Донбасс всегда ощущал себя единым целым (в это целое входила и российская часть Донбасса), своего рода «отдельной нацией». Одесситы тоже готовы называть себя «отдельной нацией», но лишь называть. В Донбассе (во всяком случае, в его индустриально-урбанизированной части) действительно сформировались отдельный, самостоятельный менталитет, собственные культура, традиции и собственное представление об истории (здесь гордятся Артемом, Криворожско-Донецкой республикой, краснодонскими молодогвардейцами и уважают «суровых мужиков», занятых на производстве). Этот менталитет и эти традиции, кстати, давно находятся в открытом конфликте с тем, что навязывает ученикам украинская школа — даже если не учитывать языковой вопрос.

Донбасс отличается не только от Одессы, но и от всей остальной Украины уже потому, что в нем сосредоточено почти 75 процентов всего украинского рабочего класса. И Донбасс — уникальное явление для Европы вообще. Это *единственный* регион Европы, где в двух областях в промышленности (и в обслуживающей промышленности инфраструктуре) занято 55 и 45 процентов работающего населения. И если в Одессе (или, например, в Харькове) очень многие заводы только числятся работающими, а на самом деле существуют, сдавая корпуса под склады и торговлю, то в Донбассе так ведет себя процентов десять-пятнадцать предприятий. С остальными все честно: либо разорены и разрушены, либо работают.

Одесситы, отбиваясь от обвинений в трусости, говорят, что их запугали и затерроризировали «правосеки» и прочие наемники Коломойского, свезенные в город 2 мая и сидевшие там вплоть до президентских выборов. Это, конечно, правда, но правда не вся. Две-четыре тысячи правосеков не могли бы справиться с миллионным городом, если бы у них не было опоры в самой Одессе. А такая опора была (и есть) — и она *на порядок* больше и мощнее, чем в Донбассе.

Эта база поддержки ультраправых и националистов сложилась из четырех основных категорий.

Первая. Чиновники, политики и обслуживающие их (совсем не бесплатно) клерки-интеллектуалы (всякие журналисты, пиарщики, преподаватели, «деятели культуры», срочно ставшие в «незалежной» «свидомыми»). Вся эта сытая публика — вне зависимости от формальной партийной принадлежности — расцвела и расплодилась за 23 года и особенно, конечно, при «Жабе». Их должности — их кормушка, и любые радикальные политические потрясения (а что может быть радикальнее вооруженного восстания?) угрожают этой кормушке. Одесское телевидение делало репортажи о дебатах в горсовете — и было по-настоящему забавно смотреть и слушать, как отдельные чиновники и депутаты с совсем не украинскими фамилиями принципиально выступали на «ридной мове», с большим количеством ошибок и обильными вкраплениями русских слов.

Вторая категория. Местная буржуазия — крупные, средние и мелкие владельцы, как выражаются на Украине, «бизнесов» (в русском украинском у этого слова есть множественное число). Именно эти «бизнесмены» когда-то составили электоральную опору «Жабы», именно они соревновались в начале 90-х в публичной ненависти к «большевику» и, хотя никаких большевиков к тому времени уже 60 лет в природе не существовало, возлагали на них ответственность за все свои беды и неудачи. В частности, именно их усилиями и их истериками с карты города были тотально стерты все революционные названия. В советской Одессе были улицы, площади, проспекты, спуски Маркса, Энгельса, Ленина, Либкнехта, Люксембург, Бебеля и т.д., включая местных революционеров — Вакуленчука, Островидова, Ласточкина, Жанны Лябурб, Чижикова, Осипова и т.д., а также Потемкинцев, Коммуны, Мира, Советской Армии, Красной Гвардии, 1905 года, 9 января... Переименовали все! Осталась одна-единственная ул. П. Шмидта — и то только потому, что до революции она называлась Тюремной, и у суеверной черносотенной одесской публики вернуть такое название рука не поднялась. Сравните с топонимикой городов Донбасса. Почувствуйте разницу.

Помимо названий, жертвами этого сознательного уничтожения памяти о революции пали и многие советские памятники — их демонтировали (как «правосеки» сейчас), свалили в парке Ленинского Комсомола, где они и были разрушены. Самое позорное, что едва ли не первой жертвой стал памятник Котовскому — возможно, самому известному революционеру Бессарабии и человеку, которому Одесса обязана тем, что в начале 1918 года ее не захватили румыны. Именно Тираспольский революционный отряд под руководством Венедиктова, Котовского и Якира сдержал наступление румын. Армия боярской Румынии, как известно, очень плохо воевала, но феерически хорошо грабила. Во время Великой Отечественной, когда румынские войска оккупировали-таки Одессу, они тоже разворовали что смогли, но их пыл сильно ограничивали присутствовавшие там же немцы. В 1918-м немецкого начальства не было — и захвати румынская армия Одессу, из города точно вывезли бы все вплоть до пуговиц и ниток. И вот именно этому человеку отплатила черной неблагодарностью «свидомая» Одесса. (Опять-таки: сравните с Донбассом!) Кстати, парк Ленинского Комсомола тоже переименовали: теперь это Савицкий парк, по имени дореволюционного владельца. «Свидомых» не смутило даже то, что этот владелец — Савицкий-Воеводский — был главарем банды, содержателем борделя и самым настоящим работником.

Именно эти буржуа, в первую очередь перекупщики-торговцы с Привоза,

стали верной паствой местного отделения фашистской партии «Свобода» (в точности, как когда-то охотнорядцы). В декабре 2012 года они под водительством «Свободы» даже чуть не взяли штурмом горсовет, и выбить их из здания удалось, только применив (на морозе) брандспойты. Как раз среди этих торгашей — много винницких «рогуль».

Третья категория. Студенты местных вузов. Молодежь с промытыми с детства националистической и антикоммунистической пропагандой мозгами, искренне верящая в существование «древних укров», «трипольскую культуру — современника кроманьонцев», изобретение «протоукраи» письменности, а запорожскими казаками — субмарин и в прочий подобный бред. Особенно, конечно, отличаются студенты, которых усиленно пичкают такими дисциплинами, как «украинознатство» и «история Украины». Значительная часть одесских студентов — с Западной Украины. Я их регулярно видел и слышал на улице Довженко, где расположено общежитие университета, и в соседнем магазине «Таврия». Почему-то они разговаривали друг с другом на русском. Но с таким западенским акцентом и на такие... как бы это сказать... малокультурные темы! В одном из окон общежития висел плакат, извещавший, что там расположен «правильный» студенческий союз, и тут же был выставлен флаг УПА.

Конечно, подобных студентов немало и в Донбассе (в том числе и приезжих с Западной Украины). Но там даже в вузах атмосфера была иной. Когда ректоры — под угрозой отчисления — стогнали донецких и луганских студентов на митинги и марши «За едину Украину», студенты частью не приходили, а в большинстве тихо рассасывались, не дойдя до маршей.

Четвертая — и самая главная — категория: обыватель. Обыватель в норме аполитичен (что всегда на руку сильнейшей стороне в политическом конфликте), но в период нестабильности выявляется, что в разных местах обыватель несколько разный, а потому и ведет себя по-разному. Одесский обыватель — обыватель гешефтмахерско-курортного города, как оказалось, отличается от обывателя промышленного (пусть и серьезно деиндустриализированного) Донбасса. Донбасский обыватель попроще, посуровее, это обыватель «пролетарско-гопнического» региона, в нем нет одесской пляжности, развинченности и болтливости. И если одесский обыватель думает в первую очередь, как бы не стало хуже, донецкий спокойно и фаталистично (да, отчасти с фатализмом гопника, не без того) думает: почему бы не рискнуть — хуже уже не будет.

Эта разница особенно хорошо видна сейчас, когда одесский обыватель усиленно накачивает себя и окружающих тем, что когда-то называлось «австрийскими разговорами». После начала агрессии Германии против Польши и массированных бомбардировок польских городов были в Австрии популярны такие разговоры: «Вот видите, какие мы были умные, что не стали сопротивляться фюреру? Сопротивлялись бы — Вену и Зальцбург бомбили бы, как сейчас Варшаву и Люблин!» Вот и сегодня одесский обыватель (это легко отследить в соцсетях) заклинает: «Видите, что творится в Донбассе? Если бы мы восстали, то же самое было бы с Одессой!»

Вот только кто мог в Одессе восстать или хотя бы возглавить восстание? Вариантов два: пророссийские организации или левые. Пророссийские представлены были крошечными группками всяких психов с «имперками», которые никакого влияния не имели, и местной партией «Родина», у которой все-таки была вторая по численности фракция в горсовете (первая была у Партии регионов). Но главу «Родины» Игоря Маркова, депутата Верховной Рады, в 2013

году лишили мандата и успешно посадили за участие в уличных беспорядках еще 2007 года. (После падения Януковича ему вернули мандат и выпустили из тюрьмы.)

Куликово поле дало своих, неизвестно откуда взявшихся пророссийских лидеров. Но все это были люди без политического опыта, без структур, без талантов и харизмы. Самые известные — братья Антон и Артем Давидченко — были один за другим арестованы, а пока пребывали на свободе, водили людей глупыми шествиями, устраивали концерты и многочасовую говорильню на Куликовом поле и так же, как и «Родина», делали все, чтобы «избежать обострения». Видимо, не случайно Антон Давидченко, признанный виновным ни мало ни много в «посягательстве на территориальную целостность Украины», был 22 июля осужден на пять лет тюремного заключения и... тут же выпущен из-под стражи, после чего ему дали — вопреки решению суда — выехать в Россию. Сменивший их лидер — Артур Григорян — вообще выглядит как не имеющий никакого представления о политике наивный простак. Если братьев Давидченко арестовывали, то Григоряна, чтобы на время нейтрализовать, просто похитили и держали взаперти.

Об одесских левых и вовсе нельзя говорить без слез. Совершенно бессильная и невлиятельная — в отличие от Донбасса — КПУ (набрала на выборах в горсовет всего 3 процента). Анекдотические микроскопические «неавторитарные левые» (троцкисты и прочие «евролевачки»), пытавшиеся примазаться к любым протестам и пламенно поддержавшие Майдан (как их «старшие товарищи» в Киеве). Запредельное позорище — анархисты, объединенные в *партию* «Союз анархистов Украины» во главе с «бизнесменом» Вадимом Черным, владельцем двух «почти легальных» борделей — «Зирка» и «Зирка-2» («Токио Стар»), прославившимся требованием бомбить административные здания Донбасса. А местное отделение «Борьбы», конечно, Майдан не поддержавшее, пыталось провести своего лидера Алексея Албу в мэры Одессы. То есть в Киеве, как они говорили — «фашистская хунта», а в Одессе одновременно — «красный мэр»? И эти люди называли себя марксистами.

В Донбассе все было по-другому. Даже у парламентско-оппортунистической КПУ здесь были очень сильные и радикальные организации. Не случайно Луганская область на последних парламентских выборах дала максимальное число голосов за КПУ (25,14 процентов), и там же областная организация КПУ отказалась подчиняться решениям своего киевского руководства, провозгласила себя самостоятельным, отдельным от КПУ «Рабочим фронтом Луганщины» и влилась в вооруженную борьбу и государственное строительство ЛНР. Анархисты в Донбассе были слабы и практически не заметны. А разные неанархистские «неавторитарные левые», которых на весь Донбасс были считанные единицы, больше всего на свете мечтали перебраться в Киев и влиться там в левохипстерскую тусовку.

Население Украины в текущем кризисе продемонстрировало устойчивое желание найти виновников всех своих бед и неудач где-то вовне — в святой уверенности, что само оно ни в чем не виновато, в соответствии со знаменитым анекдотом «А нас-то за що?». Одесситы — не исключение, в том числе и «антихунтовские» одесситы. Среди них распространено убеждение, что все дело в том, что Кремль их «кинул»: вот в Донбасс Кремль «послал Стрелкова», а в Одессу — не послал, поэтому так и получилось. На самом деле вооруженное восстание в Донбассе началось не со Стрелкова. Дело в том, что — в отличие от

Донбасса, способного «по-пролетарски прямо» рубить гордые узлы — торгово-маклерская Одесса всегда была склонна *договариваться*. Вот и с местным Майданом местный Антимайдан предпочитал договариваться — тем более что многие лидеры и активисты и первого, и второго хорошо знали друг друга лично (часто по какой-то предыдущей, например, природоохранной, деятельности). Им действительно долго удавалось договариваться. До 2 мая единственное серьезное столкновение с применением насилия между Майданом и Антимайданом произошло 10 апреля, когда майдановцы осадили на 11-й станции Большого Фонтана гостиницу «Променада», где встречались Олег Царев (тогда еще кандидат в президенты) и Артем Давиденко, а Антимайдан, в свою очередь, *взял в осаду майдановцев*. Одесские антимайдановцы знали, что Майдан в городе слаб и малочислен, а местный «Правый сектор» и вовсе *выглядит смехотворно*, и потому к серьезной (тем более вооруженной) борьбе не готовились. Мысль, что правые могут завезти «бойцов» из других городов в Одессу и там расселить, им просто в голову не приходила.

Донбасс и раньше демонстрировал, что он не готов к вечным компромиссам за свой счет. Когда его терпение иссякало, он переходил к языку ультиматумов. Устраивал, например, походы на Киев. В 1993 году такой поход привел к падению кабинета премьера Л. Кучмы и к досрочным президентским выборам. Одесса ничем подобным похвастаться не может.

Массовое закрытие шахт и заводов в Донбассе, ввергшее в нищету население моногородов и монопоселков (нищету, сильно превосходящую все, что было в Центральной и Западной Украине, что признают даже «усмирители» Донбасса), заставило многих задуматься о роли капитализма и западного империализма. Тем более что в другой — российской — части Донбасса точно так же закрывали шахты, и про Россию было известно, что это делается по плану МВФ. Поэтому в Донбассе антиамериканскую и антиимпериалистическую пропаганду встречали на ура. Она могла быть окрашена в конспирологические тона рассказов о «мировой закулисе» или даже принимать характер фэнтези Дугина, но, во всяком случае, никто, кроме местных грантоедов, не выражал сомнения в том, что американский и вообще западный империализм реально существует. В Одессе, которая привыкла кичиться своей «антисоветскостью», большинство встречало объяснения насчет западного империализма со скепсисом и отвечало на них со смехом фразой «Америка замечает следы», принадлежащей известной всему городу полусумасшедшей бабушке.

Социальные низы, восставшие в Донбассе, — это нынешние гезы и санкюлоты. Гезы с санкюлотами, кстати, тоже шли в бой не под марксистскими лозунгами. Донбасские рабочие и безработные знают, что они — санкюлоты, и не стесняются этого (а то и гордятся). Санкюлоты есть и в Одессе — но в Одессе они своего санкюлотства стесняются и хотят выглядеть в глазах окружающих даже не просто буржуа, а *успешными буржуа*.

Донбасс был последним большим арьергардом *советского общества* — и, осознав Майдан как угрозу полной ликвидации всего советского, этот арьергард решил дать *последний бой*. В то же время именно в Донбассе наряду с сохранением постсоветского рабочего класса стал заново складываться классический «Марксов» пролетариат — и этот новый пролетариат смог дать капитализму в Восточной Европе свой *первый бой*.

А Одесса... Если бы я был одесситом и меня на шаржированном одесском спросили «Таки шо ви можете сказать за Адесу?», я бы ответил: «Обнять и заплакать».